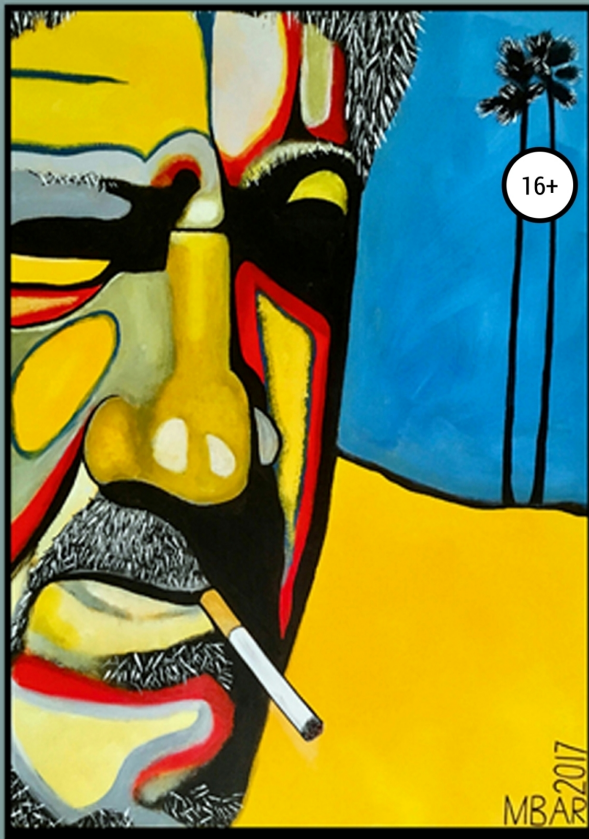

Владимир Янкелевич

экспресс Варшава -Тель-Авив

Курение вредит вашему здоровью

Владимир Янкелевич

Экспресс Варшава – Тель-Авив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63804058

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98689-3

Аннотация

Израиль – необычная страна. По историческим масштабам – страна-младенец, но этот упрямый младенец за семьдесят прошел путь, на который другим странам потребовались бы многие столетия. Рядом с нами сегодня живут те, кто знал их лично, кто вместе с ними строил и защищал страну. Их семейные истории и есть история Израиля. Герои книги встречаются со многими историческими личностями, такими, как Трумэн, Моше Даян, Исер Харел, легендарный глава Моссада. Жизнь сталкивает их с гангстерами, такими, как Меер Лански и многими помельче. Исторический контекст содержит многие малоизвестные сведения.

Содержание

Тель-Авив. Август, 1982 г. Давид	7
Книга первая: Лео	15
Глава 1. Тель-Авив. Лео. Сентябрь, 1979 г.	17
Глава 2. 1928 г. Блем. Костополь	24
Глава 3. 1934 г. Костополь	30
Глава 4. Тель-Авив. Сентябрь, 1975 г. Польский кибуц «Волынь-Б»	35
Глава 5. 1934 г. Костополь. Рохеле	41
Глава 6. 3 мая 1936 г.	48
Книга вторая: В страну, текущую молоком и медом	53
Глава 1. 1936 год	53
Глава 2. 1936 год. Хайфа...	56
Глава 3. 1936 год. Давид. Арабские ошибки	57
Глава 4. 1937 год. Дгания. Лео, Моше Даян	59
Глава 5. 1937 год. Дгания, Шушана	65
Глава 6. 1938 год. Дгания, Орд Вингейт	70
Книга третья: Нью-Йорк. Сентябрь 1938. Боб	75
Книга четвертая: 1939 год. Лео	82
Глава 1. 1939 год. Негба. Лео	82
Глава 2. 1939 год. Английский солдат	86
Глава 3. 1939 год. Рут Полански	90
Глава 4. 1939 год. Мистер «Шмайсер»	99

Книга пятая: Еврейская бригада	106
Глава 1. Дело было в Италии. 1945 г.	106
Глава 2. 1945 г. Капитан Алекс Левич	113
Глава 3. 1945 г. Рассказ Алекса	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Владимир Янкелевич

Экспресс Варшава

– Тель-Авив

«Память о прошлом ведет нас, как «столп облачный и огненный»

Лучший способ познакомиться с предметом – написать о нем^[1]

Бенджамин Дизраэли

Израиль – необычная страна. По историческим масштабам – страна-младенец, но этот упрямый младенец за семьдесят прошел путь, на который другим странам потребовались бы многие столетия. По этим улицам совсем недавно ходили «отцы-основатели», рядом с нами сегодня живут те, кто знал их лично, кто вместе с ними строил и защищал страну. Их семейные истории и есть история Израиля.

В одном из мошавов недалеко от Нетании Сара Ганот рассказала об отце, Аароне Шнейдере, активисте сионистского движения в городе Костополе (Польша), а затем защитнике кибуца Негба во время Войны за независимость. Ее рассказы послужили толчком к изучению этого исторического периода и, в конечном счете, привели к написанию романа «Экспресс Вашавы – Тель-Авив» и «Заметок о Войне за незави-

симость».

Выражаю глубокую признательность Григорию Быстрицкому за критику, без которой у автора мог бы развиваться комплекс гениальности; Мееру Минделю, писателю и композитору, создателю и директору «музея под открытым небом – Негба», чьи рассказы о Войне за независимость легли в основу ряда сюжетов в романе, а также Элеоноре Гевондян за мужество, проявленное при редактировании романа, невзирая на недовольное рычание автора.

Отдельная благодарность художнику Михаилу Барановскому за разрешение использовать его картину для обложки книги. https://ru.wikipedia.org/wiki/Барановский,_Михаил_Анатольевич

[1] “The best way to become acquainted with a subject is to write about it”. Benjamin Disraeli

Тель-Авив. Август, 1982 г. Давид

Жарко, кондиционер сбивал температуру, но свежести не было. Работалось плохо. На столе лежали материалы о еврейской общине Харбина. Начал я эту работу, увлекшись рассказами соседа, бывшего харбинца, об их жизни в Манчжурии.

Статья «не шла», её никак не удавалось завершить, чего-то не хватало, а тут еще и телефон трезвонит. Кому это может прийти в голову звонить в полдень?

Это звонил Лео, мой старый, старший друг. Ему можно звонить не только в полдень, но и в полночь.

– Шалом, ты что-то меня совсем забыл, не заходишь, не навещаешь старика...

– Прости Лео, закрутился, все «суета сует и погоня за ветром».

– Что пишешь сейчас?

– То же, что пишут последние несколько тысяч лет. О войне и мире, о солдатах и миротворцах, о жизни и смерти, о любви и ненависти, о дружбе и предательстве...

– Ты опоздал, это уже Толстой написал.

– Все так, но все повторяется, и все уникально.

– Послушай, если это пишут последние несколько тысяч лет, то, может, ты сделаешь для меня паузу и приедешь?

– Конечно, сегодня, только чуть позже. Часов в пять.

* * *

С Лео я познакомился три года назад, в архиве, где искал недостающие для работы документы. Пожилой волонтер предложил помощь... Невысокий, широкоплечий, он своим видом как-то не очень походил на архивиста, больше на сотрудника службы безопасности. Скорее всего – бывший военный. Внимательные глаза за большими очками. С заботой о причёске он расстался давно, выставочный экземпляр, подумал я про его лысину – она блестела, как отполированная.

– Шалом, я Лео. Могу Вам помочь? Что Вас интересует?

– Шалом, я Давид, рад познакомиться. Я хотел бы найти материалы о боях с египтянами в Войне за независимость.

– Это большая тема, если захотите получить копии всего, что есть, может понадобится грузовик. А может, сузим тему? Что Вас интересует конкретно?

– Операции «Иоав», бои у кибуцев Негба и Ницаним, ну и вообще, хочется найти интересный материал того периода...

– Пишете о боях на юге? Я и сам немного пишу об этом. Вроде помню все хорошо, но писать, это совсем другое, получается не очень... Сразу бессонница, нервы расходятся. А тогда было такое время, хоть и стреляли, но казалось, нервов вообще не было.

– Участвовали в этих операциях?

– Да так, немножко. В бою у кибуца Негба.

У меня потихоньку просыпался охотничий азарт. Документы, конечно, важны, но они не реальная жизнь... Это так

же, как фотография, она вроде передает образ человека, но что-то очень важное теряется. А если он участвовал там в боях...

– Лео, а может пойдём, выпьем кофе? А то мысли какие-то вялые, да и время для кофе в самый раз...

Мы вышли на тихую улицу. Там, в небольшом кафе, выбрали столик под тенистым эвкалиптом и решили устроить себе йом-кейф¹.

Араб лихо шлепнул лепешку на раскаленный металл.

– Попробуем?

Нам принесли само собой разумеющийся хумус, оливки, какие-то орешки и спросили, нужно ли приготовить мясо. Мясо мы не хотели...

Кофе был хорош, хумус просто отличный. Мы как-то неожиданно быстро с ним управились и попросили повторить. Ели уже не спеша, с расстановкой, теперь можно и поговорить. Восток все-таки, здесь спешить нельзя, особенно если хочешь услышать что-то интересное. Да и вдруг найду что-то для книги.

– Лео, а ты сам уже написал что-то?

– Да так, немножко. Я вообще пишу в стол, у меня нет мании величия, просто стараюсь удержать воспоминания.

Насчет мании величия уверенности у меня не было, сказано было как-то слишком уж скромно. Так скромно, на мой взгляд, мог сказать о своем участии в войне прославленный

¹ День отдыха, удовольствий.

Рафуль²...

– Если ты все же стал писать книгу о Войне за независимость, какие эпизоды бы выбрал?

– Если бы и не стал писать, эпизоды останутся все те же. Это бои за кибуцы Негба, Яд-Мордехай и Ницаним. У меня в этом личный интерес. В бою у Негбы я сам участвовал, там воевали и мои друзья. Мы еще в Польше вместе готовились жить в Палестине, ну и воевать, само собой. Потом боев оказалось намного больше, чем можно было представить при самой буйной фантазии. А там... Ты сам представь, кибуцники и небольшая группа бойцов бригады «Гивати» на дороге у египетской армии,двигающейся на Тель-Авив с артиллерией, танками и авиацией. Мы там воевали, как... Кстати, ты где служил в армии?

– Я был подводником.

– Ну, наверное, так, как подводники. Куда ты с подводной лодки денешься, или победишь, или погибнешь. Вариант «не победить» для нас как-то не подходил.

– Подожди, подожди, у тебя в ходу такое выражение, что ты все «немножко»... Немножко пишешь, немножко воевал. Расскажи, сколько в армии прослужил?

– Немножко, 22 года, но это если считать все, включая Пальмах, Еврейскую бригаду и ЦАХАЛ.

– Ну да, немного. Это если сравнивать с Давидом Ласко-

² Rafael Eitan.

вым³, то конечно немножко..

– Я поменьше. В Войну Судного дня в 1973 года я уже давно не был военным, пошел волонтером. Но оказалось, что осколки не разбирают, солдат ты или волонтер. Вот после ранения и подался на легкую работу – опять волонтером, но на этот раз в иерусалимский архив, там помощники всегда нужны. Стал немного писать о своих друзьях, собирать материалы, работа в архиве к этому располагает. А ты о чем пишешь?

– Что вижу, о том и пишу. Стараюсь не врать, вот встретимся еще раз, я тебе свою книжку подарю для знакомства. А на твои заметки можно взглянуть?

– Только если мы отдадим дань моему домашнему вину.

– Я с удовольствием, но только если отдадим дань и моему домашнему коньяку.

– Ты делаешь коньяк?

– Я нашел более простой и эффективный способ, я меняю его на деньги. Получается неплохое качество.

– Это тоже метод. До встречи!

Встретились мы через неделю, дома у Лео. Он жил одиноко в иерусалимском районе Катамон на верхнем, третьем этаже. Квартира была небольшой, но балкон все компенсировал. Вскоре мы там сидели, наслаждаясь прекрасным ви-

³ Генерал ЦАХАЛа. Был внесён в книгу рекордов Гиннеса как самый старый солдат в мире. Родился в 1903 г. в Омске, находился на военной службе в Израиле до 1989 года.

ном, а Лео рассказывал, как несколько лет назад путешествовал по Италии. В 45-м, когда он с Еврейской бригадой оказался в Тарвизио, времени смотреть по сторонам у него не было, вот и поехал по местам, где воевал, спустя почти тридцать лет.

Там, в Италии, он научился отдавать должное хорошему вину, благо времени у него уже было достаточно, и теперь мог с увлечением рассказывать о винах Пьемонта, Венето или Тосканы, а уж подбор подходящего сыра вообще считал искусством. К его ужасу, я не мог отличить «Бароло» от «Барбареско», и Лео пообещал сделать из меня цивилизованного человека. Сегодня я могу засвидетельствовать, он старался честно, его коллекция вина в ходе этого процесса заметно поуменьшилась.

Потом мы стали встречаться достаточно часто, выезжали на места боев, показывали друг другу написанное... В лице Лео я нашел бесценного критика. Он, как старый солдат, всегда говорил, что думает. Я не обижался, если и не сразу, то через некоторое время понимал, что он прав.

Приехал я к Лео около 5 часов. Его ключ был у меня уже давно. Лео говорил, что его старые кости никто не украдет, а ключ понадобится может...

Он сидел на балконе и смотрел на город. Казалось, что он там не видел ничего достойного внимания...

– Лео, как ты? Там такие девушки гуляют, а ты сидишь, грустишь... Красавицы! Правда, одеты как попало, ну да это

и хорошо, кровь греет.

– Не беспокойся, все идет, как и должно идти. Просто я приготовил для тебя свои заметки. Я их не закончил, так закончи ты. Делай с ними, что хочешь. Сможешь?

– А ты сам?

– Я уже сделал все, что мог. А пока достань там на полке бутылку вина, я ее специально приготовил для тебя... Нет, не ту, левее. Да, она самая. А когда просмотришь мои бумаги, обсудим.

Я с опаской смотрел на внушительную папку с бумагами, но азарт пересилил.

Вино действительно было превосходным, а это часто упрощает сложные решения.

* * *

Дома я засел за тетради Лео. Сплошного хронологически выстроенного текста у него не было. Временные разрывы, истории, вставные новеллы... Он шел за памятью, за воспоминаниями...

Разрывы в хронологии я устранять не стал – так писал Лео, он солдат, а не писатель. Эта книга написана им с моими незначительными правками и вставками о наших встречах и беседах, ну и, естественно, о том, что Лео просто не мог знать, что хранилось на полках архивов разных стран и стало доступно гораздо позже. Я сохранил его ремарки, стиль... Сам бы я писал эмоциональнее, но автор он, как написал, пусть так и будет.

И еще я позволил себе дополнить написанное Лео несколькими своими эссе. Если кому-то это покажется неуместным, то я заранее приношу свои извинения.

Книга первая: Лео

Сегодня телефон молчал.

Говорят, что спутник старости – всевозможные немочи. Это, конечно так, но главный спутник старости – одиночество. Большинства моих старых друзей уже нет, а у детей и внуков свои очень важные заботы. Телефон стал очень молчаливым, не звонит упорно, настолько, что я иногда сомневаюсь, исправен ли.

Знать бы, кому интересно то, что я пишу. Но, впрочем, какая разница. Это единственное, что я могу дать моим друзьям. Только память...

В одних описанных событиях я участвовал лично, другие изучал по книгам, но и они необходимы для полноты картины. Сейчас я иногда и сам путаюсь, не помню, откуда у меня эти сведения, ну да это и неважно.

Человеческая память – инструмент удивительный, но ненадежный. Воспоминания не отлиты в бронзе и не выбиты на каменных стелах, как на стеле Мернептаха. С годами они стираются, а часто и вовсе меняются, дополняются фрагментами позднего опыта. Совсем небольшое возможно сохранить в неизменном виде, большая часть постепенно теряет отчетливость, меняет окраску.

Возможно, это величайший дар природы? Иначе сложно было бы принять меняющуюся реальность, превращающую

то, что казалось порядком, в беспорядок, молодость в старость... Правда, меняющиеся воспоминания рискуют закрепитесь в стереотип, выкристаллизоваться в иную, откорректированную версию событий, которая начнет жить независимой жизнью.

Постараюсь писать честно, но беспристрастность гарантировать не могу. С этим уже ничего не поделаешь.

Но начну по порядку. А начало было в Польше...

Глава 1. Тель-Авив.

Лео. Сентябрь, 1979 г.

Сентябрь в Иерусалиме – прекрасное время, жары нет, в заходящем солнце дома, облицованные иерусалимским камнем, кажутся золотыми.

– Давид, посмотри, вон там видишь парк? Там монастырь Сан-Симон, только он отсюда с балкона не виден. Чем занимался Святой Симон при жизни христиане до сих пор уточняют, но после смерти покоя ему не было. Сначала император Юстиниан перенес его в Константинополь, затем ему дали спокойно полежать в Хорватии. А сейчас монастырь Сен-Симон ждет, когда же он вернется домой в Иерусалим.

– Вернется или не вернется, ты то какое к этому имеешь отношение?

– Самое непосредственное, но только по отношению к монастырю. Ночью с 29 на 30 апреля 48 года мы его захватили. Нужно было взять под контроль дорогу, по которой подвозилось продовольствие в Иерусалим, а ключевой участок контролировал монастырь Сен-Симон на вершине холма. Взять-то мы его взяли, но оказались в окружении так называемой «Армии священной войны». Нам приходилось очень туго. Подвоз боеприпасов был невозможен, стрелять приходилось из высоких окон стоя на каких-то странных деревянных конструкциях... Я был ранен в самом начале боя, лежал у сте-

ны, и надеялся на свою «беретту». Она не даст попасть в руки арабов... На помощь мы не рассчитывали, но, когда наше положение стало просто отчаянным, арабы внезапно исчезли. Дело в том, что они не знали нашего положения, а свое – оно было у них перед глазами – потери были, а заметных им успехов не было, вот и предпочли исчезнуть. А из арабских домов Катамона тут же началось повальное бегство. Они ожидали, что евреи придут и, естественно, устроят резню. Они бы поступили именно так.

– Так они не только там так действовали.

– Да, конечно. Но там, пока заживала дырка в плече, у меня нашлось время задуматься. Что является твоим? То, что отписала тебе конференция ООН? Ни в коем случае. Твое то, за что ты готов воевать и умереть. Умирать я не хотел, но это уже как получится. И знаешь, что еще пришло мне тогда в голову?

– Расскажешь – узнаю.

– Большое сходство становления Польши и Израиля. Мне странно, как много людей думает, что Польша стала независимым и суверенным государством в результате Версальского договора. Если бы так просто создавались государства... Твоя страна – это то, что ты можешь защитить, наладить жизнь. Ну а мирная конференция – только некий старт. Он либо сбудется, либо нет! Это всего только шанс, который еще предстоит воплотить в жизнь, сделать реальностью. Разве не так же в Израиле, Давид?

А тогда, «большие политики» на мирной конференции думали, что они возродили Польшу. Глупцы, за это еще предстояло воевать и воевать. Вильсон мечтал, что ужасы прошедшей войны положат конец всем войнам, а Лига Наций будет мирно разрешать все конфликты. Эти красивые мечты постигла судьба остальных утопий. Новые государства, появившиеся на карте Европы, немедленно начали воевать между собой в мелких, но жестоких конфликтах. Но какой бы война ни была, маленькой или большой, она для воюющих та самая, на которой убивают всерьез.

– Но все же, я думаю, именно на мирной конференции был решен вопрос о воссоздании Польши. Разве не так?

– Меньше всего там, в Версальском дворце в 1919 году, думали о Польше. Мир пишут победители. Важно, чтобы было «великим» выгодно, а интересы третьих стран можно потом на мирной конференции принять во внимание, как обычно, по остаточному принципу. Или не принять... Можно легко, прямо на салфетке за обедом в ресторане, создавать государства и так же легко за десертом их перекраивать.

Сколько у кого карабинов или пушек – это важно, но главное не это, главное – готовность взять это оружие в руки и стоять насмерть. Тогда в Польше все это было, критическая масса народа, стремящегося к собственному государству и готовая воевать за это, и национальный лидер, способный эту борьбу возглавить. Звали его Юзеф Пилсудский.

– Да, он учился в гимназии в одно время с Дзержинским,

в дальнейшем ставшим его заклятым врагом. Как социалист успел посидеть в тюрьме, но правоверным социалистом так и не стал. Я читал у Алданова, что, когда в ноябре 1918 года делегация польской социалистической партии обратилась к нему – «Товарищ», он сказал: «Господа, я вам не товарищ. Мы когда-то вместе сели в красный трамвай, но я из него вышел на остановке «Независимость Польши». Вы же едете до конца к станции «Социализм». Желаю вам счастливого пути, однако называйте меня, пожалуйста, паном».

– Давид, все так, но вот еще что интересно. Польша возродилась 26 января 1919 года, а через два дня 28 января, началась война с Советской Россией. Тебе это не напоминает израильскую историю?

– Да, я как-то раньше не задумывался об этом.

– Воевал мой отец, два его брата погибли. Эта война могла поставить точку в еще не начавшейся новой польской истории, и тогда очень многое в мире и особенно здесь в Израиле пошло бы совершенно иным путем. Польские евреи стали бы советскими, и их алия отодвинулась бы более чем на 50 лет, но это – «если бы...»

Тогда Михаил Тухачевский, командующий Западным фронтом, обратился к войскам с приказом:

«На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!

Стройтесь в боевые колонны! Прорбил час наступления. На Вильну, Минск, Варшаву – марш!»⁴

Он был уверен в себе, только вот Польша не согласилась стать трупом. До Варшавы войска Тухачевского практически дошли, но там ему пришлось писать иные приказы. А что делать, если его армии оказались разбиты? Правда это произошло неожиданно как для него, так и для победителей, настолько неожиданно, что решающее сражение под Варшавой назвали «чудо на Висле».

Мир с Россией принес Польше новые территории. Так и наш Костополь вернулся в состав Польши. Но мирная жизнь начиналась сложно, в правительстве работали не волшебники, быстрого решения проблем безработицы и экономического кризиса просто не было.

– Ты помнишь послевоенное время?

– Не очень, нам было тогда по 4-5 лет, но что я хорошо помню, как горячо и бесконечно спорили евреи, но никак не могли решить, хорошо или плохо, что в Польше стало столько евреев. Одни говорили, что полякам столько евреев – «это не понравится, нужно быть, как они», так сказать, слиться с местностью... Вторые надеялись, что с ростом общины, возрастет и ее влияние. Как позже стало понятно, ошибались все.

Националистов в Польше хватало, их главной идеей была

⁴ Приказ № 1423 командующего Западным фронтом Михаила Тухачевского от 2 июля 1920 года.

«полонизация» – хотелось всех постричь под одну польскую гребенку. Но Пилсудский от идеи «полонизации» отказался. Он считал, что «граждан необходимо различать не по их этнической принадлежности, а по лояльности к государству».

В Польше жилось трудно, но к этому было не привыкать, трудно было всем. Нужно было выживать, кормить семьи, растить детей. Особого выбора и не было, либо ты активный, динамичный с быстрой реакцией, либо – голод и нищета. Приходилось действовать успешно и в производстве, и в торговле... Это помогало правительству. Были установлены рабочие связи правительства с сионистскими организациями, в первую очередь с сионистами-ревизионистами Жаботинского.

Сегодня это многим покажется нереальным, но так было. На территории Польши проходило и военное обучение будущих бойцов Иргуна, комплектовалось оружие для отправки в Палестину еврейским боевым отрядам, благо после войны оно было в избытке. Вот ты, израильтянин, знал об этом?

– Сейчас уже знаю.

– В Татрах, вдали от любопытных глаз в городке Закопане проходила подготовка будущих пехотных командиров БЕЙ-ТАРа. Мы уже тогда хорошо знали, что что единственный мессия, способный помочь освободить нашу страну, – это штык на конце винтовки. Я не думаю, что польское правительство разбиралось в тонкостях еврейских политических течений. Они отличали разве что сионистов, которые стави-

ли основной целью возрождение своей страны в Палестине, от еврейских социалистов Бунда, боровшихся с польскими властями за марксистские идеалы под лозунгом «Там, где мы живём, там наша страна».

Почему один становился сионистом, а другой бундовцем, я совершенно не понимаю, а сейчас уже и не пытаюсь понять.

Глава 2. 1928 г. Блем. Костополь

Костополь – маленький польский город, всего-то 400 домов, все знают друг друга. Там, в Костополе я жил недалеко от Аарона, а меховщик Лейба Шнейдер, отец Аарона, он был заметным, уважаемым человеком.

За соблюдением традиций в семье следила мать Аарона – Двора. Забот у нее хватало – пятеро детей, четыре сына и самая младшая Цвия. Аарон, второй по старшинству, родился в 1914 году, на год раньше меня. Когда я заходил к ним, меня немедленно усаживали за стол, не спрашивая – «Кушать хочешь?» Нужно сказать, что время было такое – есть я хотел всегда, меня и не нужно было спрашивать. Для меня, как для своего ребенка, всегда находилось что-нибудь вкусненькое.

У отца Аарона дела шли неплохо, он занимался обработкой мехов, но Аарон хотел стать плотником.

– В дереве больше жизни, чем в этих шкурах – говорил он мне. – Посмотри Лео, как красива текстура, потрогай рукой. Чувствуешь тепло?

Я чувствовал, честно говоря, только когда Аарон был рядом.

Но самыми близкими друзьями у меня были Марек и Борек.

Сегодня весенний воскресный день, но все привычно просыпаются рано. Хася, мама Марека вышла во двор покор-

мить кур. Хорошо, солнце еще не припекает, настроение праздничное – сегодня день рождения Марека. И день особенный – бар-мицва⁵. Правда семья не очень религиозная, но к бар-мицве это не относится.

Хася улыбается – Марек вырос, он так смешно сегодня заявил, что с этого дня считает себя взрослым. Я бы на его месте не спешила, еще успеется...

Во двор вбегают друзья Марека – Борек и Лео. У них всегда все горит, все бегом.

– Подождите, он сейчас выйдет! А угощение будет вечером, только не опаздывайте.

Хася даёт друзьям по куску пирога. Во двор выходит Марек, еще не совсем проснулся, трет глаза, но пирог, конечно, уже в руке. Какие они все еще дети!

– Тетя Хася, мы на ярмарку!

И неразлучная троица убежала на главное событие месяца: на привокзальной площади – ярмарка!

Там продаётся все, что можно произвести или привезти откуда-нибудь. На ярмарку съехались сотни крестьянских телег, груженных сливочным маслом, яйцами, несчетными курами, гусями, утками. Есть и всякие мелочи – составы для склеивания фарфора, алмазы для разрезания стекла, воздушные шарики, ткани... Чего только нет.

На площади толкуются и торгуются, кто на польском, кто на

⁵ БАР—МИЦВА (בָּרִימִצָּה; буквально: “сын заповеди”), мальчик, достигший возраста 13 лет. С этого момента его начинают считать взрослым...

украинском, кто на идиш – но все друг друга понимают. Торговля идет горячо, то хлопают по рукам, то начинают торговаться снова. Сколько шума, как кипят страсти... Не поторговаться – оскорбить хозяина!

Притягательное место!

Друзья послушали старую шарманку, обезьянка в красивой курточке вручила им конвертики с «судьбой».

– Все это ерунда. Какую там судьбу может дать обезьянка?

Марек, он материалист, как и его родители, судьба – это выдумки.

– Тогда почему ты так смотришь на этот листок? Выбрось!

Борек, рослый, крепкий парень, он над такими вопросами не задумывается. Его больше волнует, что сосед Войцех обещал научить его боксировать. Вот это важно, а не судьба, которую вручила обезьянка.

Я быстро посмотрел свой листок, сунул в карман и потащил друзей к фокусникам. А там еще и шпагоглотатели, акробаты, певцы и музыканты, наигрывающие мелодии неведомых, но манящих стран.

– Wait a minute, wait a minute, you ain't heard nothin' yet!

Это Борек. Он к месту и не к месту напевает фразу из первого звукового американского фильма с Элом Джолсоном. Кроме этой фразы, он запомнил на английском и песенки Яши Рабиновича. Английский он схватывает на лету. Его попытки петь вызвали у нас резкий протест.

– Ну и что, если нет музыкального слуха?

– Людей жалко.

Он в последний год на ярмарках показал себя в тире так, что при его появлении хозяин тут же вывешивал табличку «Закррито».

Посоревновались на кожаном манекене... Его нужно было ударить, а силомер показывал, на что ты способен. Тут чемпионом был Борек. Я почти догнал его, но почти не считается.

Вдруг меня осенило. Я остановился:

– Я придумал имя для нас.

– Это еще зачем? У нас свои есть...

– А затем, что мы как одно целое. Значит нужно одно имя!

Марек заинтересовался:

– Ну и что ты придумал?

– Я придумал «Блем» – Борек, Лео и Марек!

– Цирк какой-то. Шапито. – Борека это романтика не увлекла. – Есть идея получше, пошли в «Шапито», он вон там.

В это время клоун на ходулях прокричал в рупор:

– Представление начинается!

И мы побежали в цирк.

После обеда ярмарка затихала, люди стали понемногу расходиться.

– Пошли скорее, мама нас к столу ждет!

– Подождите, – у Борека возникла какая-то идея. – Помните фильм про индейцев?

– Про Чингачгука?

– Нам нужно выкурить «трубку мира»!

– Ну ты и придумал!

– Это не я придумал, индейцы. Мы еще это в кино видели.

Вы что, забыли?

– А с кем у нас будет мир?

– Между собой и навсегда. Чтобы скрепить «Блем». Я сейчас заскочу домой, там, у отца есть все, что надо, он и не заметит!

– Он тебе уши надерет!

– Надерет, если узнает. Ждите меня там, за сараем.

За сараем паслась привязанная к дереву коза. Она сонно посмотрела на меня и Марека и осталась равнодушна. Марек притащил какую-то доску, из нее сделали сиденье, а вскоре прибежал Борек.

– Вот! Принес!

У него в руке была трубка, кисет и спички. Борек набил трубку и сделал первую затяжку.

– Ну как?

– Здорово.

Трубка пошла по кругу, и через минуту мы все зашлись кашлем.

– Хватит, я думаю, мы уже заключили мир друг с другом на вечные времена и еще чуть-чуть!

Я не хотел продолжать. Во рту была горечь, немного кружилась голова.

– Неси все домой, нас уже у Марека ждут. Тетя Хася сердиться будет.

Через минут десять мы уже сидели за праздничным столом. Его мама не зря уже месяц обсуждала меню с обеими бабушками. На столе на длинном блюде королевская еда, гефилте фиш. В духовке томился чолнт⁶. Но это еще не все, своей очереди ждал покрытый золотистой корочкой гусь. Рубленая печенка с луком и яйцами, хала... Ребятам налили красного вина.

Мама опасно принохивалась, от ребят пахло табаком, но ничего не сказала. Наверно не хотела портить праздник.

Что и говорить, в бар-мицве есть своя прелесть.

⁶ Гефилте фиш – фаршированная рыба, чолнт – традиционное еврейское субботнее горячее блюдо, то есть блюдо на Шаббат, приготовленное из мяса, овощей, крупы и фасоли.

Глава 3. 1934 г. Костополь

Прошло шесть лет...

Меня уже не привлекали ярмарки, все свободное время я проводил в сионистском кружке. Друзья меня не понимали.

– Поймите, жить надо в своем доме! Не там, где тебе могут указать на дверь. Сионизм – это решение всех наших проблем, там в Эрец-Исраэль наш дом, там и нужно строить жизнь. Там, где тебя никогда не назовут пришельцем! – втолковывал я им.

Впоследствии оказалось, что я ошибался. Оказалось, что вполне могут назвать, но с оглядкой на оружие, что у тебя в руках.

Что это такое строить там жизнь, я, честно говоря, не знал, но был уверен, что это будет прекрасно в стране, текущей молоком и медом. Там будет гармоничное и справедливое общество, не то, что тут, в Польше.

Марек не соглашался. Ему оказался ближе социализм, где каждый получает свой пирожок, где за соблюдением прав рабочих следит государство социальной справедливости. Образцом для него была Россия! Его родители, а потом и он сам, стали бундовцами, и никакой Палестины им не было нужно. Марек повторял вслед за ними: где мы живем, там наша Родина, за нее нужно бороться, и в ней, а не в далекой турецкой провинции, добиваться социальной справедливо-

сти.

– Пошли на площадь? – предлагает Марек.

На площади было полно народу. Кое-кто с флагами. Пели песню, кажется, «Интернационал».

Мы стояли в кирпичном арочном проходе. Отсюда было все видно, но увиденное желая идти на площадь не прибавило.

– Что там толкаться? Там толпа собралась, нас только не хватает.

– Слушай, Лео, ты слова подбирай. Это не толпа, это рабочая демонстрация. Довели людей до предела, жить невозможно!

– Кто это, «довели»?

– Ну ты и вопросы задаешь. Кто – власть конечно! Им бы только прибыли, а на людей им плевать.

– Сейчас придет великий Марек и спасет всех от угнетения. Еще один любитель потанцевать на чужой свадьбе.

Марек взорвался:

– Ты... – Он не находил слов – Для тебя свет в окне далекая Палестина. Живешь здесь, вокруг такое творится, а тебе плевать на Польшу, да и вообще на все!

Я схватил Марек за грудки, поднял его и с силой прижал к стене. На рубашке у Марек отлетели верхние пуговицы.

– Ты это мне говоришь? Это мой отец просто чудом уцелел на войне, а два его брата погибли, защищая Варшаву от Тухачевского. Ты за свои слова заплатишь. Танцующих на

чужой свадьбе всегда бьют первыми.

Борек бросился нас разнимать, но я Марека уже отпустил. Какая может быть драка, когда он много слабее меня.

В разговор вступил Борек.

– Уймись! Лео, не трогай его. Все это пустое. Вот помнишь, как в «Большой тропе»⁷ Брек Коулман расправляется с убийцами друга? Вот так и надо бороться за справедливость. Брек на демонстрации не ходил.

Борек просил называть его Борисом, сионистский кружок его абсолютно не интересовал. Он увлекся американскими фильмами, да еще извел на стрельбище уйму патронов и заработал золотой харцерский значок, которым очень гордится.

Марек отряхнулся, поправил рубашку, но продолжил с тем же запалом:

– Тебе, ковбой, вестерны вконец мозги отморозили. То, что верно в «Большой тропе», не может быть общим рецептом. Да и вообще, это кино! Сейчас мы похватаем «Смит-Вессоны» и пойдем бороться за лучшую жизнь?

– Что за чушь несете вы оба... – я вконец разозлился. – Коулман с револьвером борется за что? Хочет убить одного бандита, это понятно. Да и то, если бандит задел его личного друга. А воевать с бандитизмом что-то не очень рвется. Для этого нужно идти в полицию, а там работа... Но все, о чем мы говорили в кружке, все слова об Эрец-Исраэль, получа-

⁷ англ. The Big Trail.

ется – для вас пустой звук. Револьвер нужен, но для борьбы там, за свой дом, свою землю. Переехать в США, как мечтает Борек, стать таким же, как герои вестернов, смелым, сильным, независимым, вроде красиво. Но это все равно – чужая свадьба.

– Один – герой вестерна, другой палестинский пастух, а тут, на нашей земле, где мы выросли, что? Посмотрите вокруг! Одни маршируют под военные марши, другие поют «Интернационал». Полиция всех разгоняет, есть убитые. В Берёзе-Картузской, в «Красных казармах» уже создан концлагерь. Я раз попытался его сфотографировать, еле ноги унес.

Лагерь уже был печально известен. Высокий забор с колючей проволокой, на каждом углу сторожевые вышки с пулеметами... Ворота лагеря никогда не открывались. Слова первого коменданта лагеря Болеслава Греффнера были хорошо известны. Он говорил, что «из Берёзы можно выйти на собственные похороны или в дом умалишённых». Скорее всего, эти слова распространяло правительство, нужно было сеять страх перед лагерем.

– А что тебя вообще туда понесло?

– Туда собирались отправить родителей после ареста. Правда, обошлось. Знаете, за что?

– За что?

– А за то, что они хотят лучшей жизни для рабочих здесь. Пойми, мы здесь живем сотни лет, здесь жили наши деды и

прадеды, а ты все про Палестину. В общем, не обижайтесь, я давно сказать собирался. Мы в Барановичи переезжаем. Здесь, если попал на карандаш – точно посадят. Барановичи, они к Советской России поближе, может удастся оттуда перебраться... Родители говорили, что можно, как специалистам, на новые предприятия...

Марек обнял друзей. Окончательно рассориться не хотелось.

– Мы все равно будем вместе...

А еще через два месяца пришел попрощаться Борис. Его семья переезжала в США.

– Лео, если поторопитесь, то и вы сможете переехать в Америку. Вот это страна, вот куда нужно перебираться.

– Ты знаешь, я – в Палестину.

Борис протянул мне маленькую коробочку.

– Вот, возьми на память.

Это был харцерский значок. Борек им дорожил больше всего, но отдавать нужно самое дорогое!

– Он тебе будет напоминать обо мне. Ну и о том, что нужно учиться стрелять.

Мы обнялись.

В Костополе из нашей тройки остался только я.

Так закончился «Блем».

Глава 4. Тель-Авив. Сентябрь, 1975 г. Польский кибуц «Волынь-Б»

– Лео, а что это за кибуц, о котором ты рассказывал? Кибуц же чисто израильское дело?

– Конечно израильское, но к новой жизни нужно было подготовиться, научиться. Только сначала выпьем кофе. Кто-то говорил, что если однажды вы лишите меня кофе, то я устрою революцию...

– По-моему, ты перефразировал Черчилля: «Отнимите у меня сигару – и я объявлю вам войну!»

К нам подошла официантка.

– Принеси нам, пожалуйста, кофе. Только не «нес» или «боц», а настоящий. Это возможно?

– Я думаю, что гадать не стоит, экспериментируйте. Если не понравится, я не включу его в счет.

И она гордо ушла. Черт возьми, до чего же красивая...

– Вот ты спрашиваешь про кибуц в Польше. Он был частью нашей общей подготовки к репатриации. Важно понять, как и чем мы жили. Давай я тебе расскажу небольшую историю.

Как-то раз мы решили проверить в деле свои идеи труда на земле. Собрались группой, я уже и не помню точно, сколько нас было 9 или 10 человек, и отправились работать на ферму. Нас, парней и девушек должно было быть примерно

поровну, но потом родители под разными предложениями смогли оставить девушек дома, так что в группе Зора была только одна.

Дело было в начале зимы, нужно было срочно убрать овощи с поля, пока они окончательно не перемерзли. Мы тоже могли перемерзнуть, было уже холодно, около 10 градусов мороза, земля почти окаменела, но работали мы так «горячо», что холода не чувствовали. Наверно от нашей работы температура воздуха поднялась на несколько градусов. Мы надеялись, что после работы наша единственная девушка поможет с приготовлением ужина, но оказалось, что она даже не знает, как сделать чашку чая.

– А вот и наш кофе. Слушай дальше.

Увлечение «социалистическим сионизмом» быстро нас захватило, в кибуце было, конечно, трудно, но и весело. Вечерами у костров мы пели песни о Земле Израиля, танцевали хору. Это были невероятно волнующие моменты, мы мысленно переносились из Польши к берегу Иордана и Кинерета. Реальных проблем, существующих там, мы не представляли, но разве это что-нибудь изменило бы?

Кибуцы создавала сионистская организация Хехалуц⁸. В трех больших учебных центрах-кибуцах проходила подготовка к будущей жизни в Эрец-Исраэль. А жить в коммуне,

⁸ Хехалуц – первопроходец, пионер) – сионистская международная организация, целью которой была подготовка еврейской молодёжи к поселению в Палестине. Создателем организации был известный еврейский военный и общественный деятель Иосиф Трумпельдор.

где все общее, совсем не просто, этому на самом деле нужно было учиться.

По замыслу его основателя Менахема Усышкина «члены организации здоровые телом и душой холостые юноши и девушки должны принять на себя обязательство провести три года в сельскохозяйственных поселениях Эрец-Исраэль. Там они будут солдатами еврейского народа, однако их оружием будут не сабля и винтовка, а плуг и лопата». Хороши бы мы были, если бы у нас был бы только плуг и лопата, без сабли и винтовки.

Насчет винтовки мы разобрались сами, а к алие Хехалуц готовил нас основательно, причем совершенно практически.

Мы готовились в одном таких центров, он назывался «Волынь-Б». «Халуцианский кибуц» работал на базе достаточно большой фермы еврея-сиониста. За нами был закреплен местный сельский житель, который и обучал нас различным сельскохозяйственным работам, всему тому, что на его взгляд могло нам пригодиться в будущем в Палестине. Вряд ли он знал, как вести сельское хозяйство в Негеве, где мы потом пытались применять его рекомендации, но он старался и делал, что мог.

Не знаю, как в двух других кибуцах, но у нас доходило до парадоксов, которые сейчас кажутся забавными. Мы считали, что в кибуце не должно быть абсолютно никакой личной собственности, от питания до одежды. Понимаешь, идея, возведенная в абсолют иногда трагична, иногда смеш-

на. Так, например, много сложностей возникало у наших девочек. Ведь даже лифчики у них были объявлены общими, а размеры, естественно, были разными... Но так мы понимали жизнь в «абсолютном коллективе»: всё общее, все равны, никто не имеет никаких преимуществ.

Далеко не все выдерживали это. Многие были из сравнительно благополучных еврейских семей. Дома, естественно, не всех приучали к физическому труду. Отсев был от 20 до 30 процентов. Зато тот, кто выдерживал этот «экзамен на зрелость», получал звание «халуца». Считалось, что он готов к новой жизни...

«Волынь-Б» – это был наш первый кибуц. Мы там провели почти половину 1929 года. Свой кибуц Негба мы строили спустя 10 лет, но для этого еще нужно было переселиться в Эрец Исраэль. Это нам только предстояло совершить.

В то же время нас, молодых гимназистов, готовили и к будущей военной службе.

Один раз в неделю были уроки военной подготовки, куда нам полагалось являться в соответствующей форме – в зеленой полотняной рубашке, надеваемой через голову наподобие обычной русской гимнастерки. В микроскопическом арсенале гимназии были собственные винтовки образца 1886 года. Это было архаическое оружие, длинное и тяжелое. Эти ружья мы разбирали и собирали несметное число раз, одновременно пытаясь понять, как нам это может помочь в завтрашней жизни. Понять не удавалось, но решали не мы. Кроме

бессмысленных упражнений с этими винтовками было еще много муштры и шагистики.

Когда мы стали постарше, практические стрельбы уже проводились из настоящих винтовок – карабинов Маузера. Они в то время стояли на вооружении в армии. Боевые патроны нам выдавали в последний момент перед стрельбами. Стоило взять их в руку, как непонятно откуда появлялась уверенность, что противостоять нашей огневой мощи и этому точнейшему карабину не может ничто, никакая армия мира.

Наконец, но уже совершенно теоретически, сержант показывал, что можно сделать обыкновенной саперной лопаткой, какое это изумительное оружие, если садануть им человека в основание шеи, что при удаче можно отхватить все плечо. Только не следует целиться в голову, говорил он, ибо на ней обычно сидит каска и лопатка отскочит.

За три года военной подготовки нам ни разу не говорили о том, что существует что-либо похожее на танки. Как будто их и не было. Да, нас учили всевозможным газам и названиям частей оружия, и уставам, и караульной службе, и местной тактике, и множеству иных вещей; в общем, за год набиралось что-то около ста часов и триста в последних классах. Все это выглядело – теперь я это вижу достаточно ясно – словно нас готовили к войне, похожей на франко-прусскую 1870 года.

Но, как оказалось, эта подготовка, все же, не прошла да-

ром. Позже, уже в Израиле, Аарона за умение обращаться с оружием прозвали «мистер Шмайсер», а с танками ему пришлось познакомиться при совсем иных обстоятельствах – в бою у кибуца Негба.

Нашей главной практической целью стала подготовка к переселению в Эрец-Исраэль. Конкретные вопросы переселения, конечно, видели по-разному, но все мы жаждали перемен. Сомнений в том, что нужно покинуть дом своих родителей и начать новую жизнь, не было, а была только упрямая вера – несмотря ни на что, другого пути нет.

Глава 5. 1934 г. Костополь. Рохеле

Еврейская жизнь в маленьком Костополе бурлила, но настоящей изюминкой была наша еврейская библиотека. Она вообще-то и не была библиотекой в современном смысле. Это был не просто пункт проката книжек, не такое место, где сложены какие-то книжки, и люди приходят их взять почитать. Мне с друзьями удалось сделать ее важнейшим культурным центром, где проводили множество мероприятий, выходящих за прямые функции библиотеки. Проходили диспуты по истории и традиции, устраивались различные выставки. А какие проходили еврейские праздники!

Мы собирались несколько раз в неделю по вечерам и горячо спорили о том, в чем смыслили весьма мало. Вопросов было много, но нам жизненный опыт не мешал. Сегодня я не так молод, чтобы все знать. Но тогда мы легко находили ответы абсолютно на все вопросы.

Спорили из-за Ницше и Фрейда, Адлера и Гегеля, ну и, само собой, из-за Маркса, брались решить все мировые проблемы, от капитализма и социализма, до проблем женщин и семьи в новом обществе, решали проблемы земли и kibbutz, общинной жизни, рабочего движения в Эрец-Исраэль, и, естественно, знали, как решать арабский вопрос. Жадно и бессистемно читали все работы по проблемам сионизма и устройства общества, в общем все, что попадало в руки. Но

главной темой была коллективная жизнь на земле, сельское хозяйство...

Там, среди своих, было все ясно, проблемы чудесным образом разрешались. Голову кружил образ еврея, работающего на земле, живущего трудом своих рук, свободного от галутных комплексов, храброго, открыто смотрящего в лицо сложностям и опасностям новой жизни. Себя мы ощущали именно такими, и, само собой, собирались вскоре присоединиться к нашим братьям в ишув⁹. Когда? Мы этого не знали, но были уверены, что очень скоро.

Позже я отошел от социалистических идей. Равенство... Что это такое? Его просто не существует в реальной жизни. Люди не равны друг другу, их волевой потенциал, интеллект, дарованный от рождения, весьма различны. Из одного и того же набора досок Аарон сделает буфет, а я, если повезет, табуретку. Равенство в потреблении? И его быть не может. Одному, высокому, еды нужно больше, а другому, ростом в полтора метра, меньше. Неравенство человеческих способностей исключает царство абсолютного равенства и делает его в принципе несправедливым. Замечательные умозрительные идеи хороши для кабинетных философских трактатов, реальная жизнь иная...

Но эти мысли появились позже. А пока сионистская идея строительства своей страны была для нас единственным

⁹ Ишув – собирательное название еврейского населения Эрец-Исраэль (Палестины), использовалось в основном до создания Государства Израиль.

и, главное, естественным и органичным решением: «Если власть ничего для нас не делает, то «мы наш, мы новый мир построим!», там, на Святой земле, и будет он просто прекрасным, справедливым для всех...»

Моя идея поставить спектакль в нашей библиотеке увлекла всех. Решили начать с пьесы «Диббук¹⁰» Соломона Анского (Рапопорта). Он написал ее после поездки по хасидским местечкам тогда еще Западной Украины. Интересовали его мистические загадки Каббалы, красивые хасидские притчи, народный фольклор.

Но мы могли бы и не обратить внимания на эту пьесу, тем более что она была написана Соломоном Анским по-русски. Решающим оказался оглушительный успех пьесы, поставленной виленским театром Габима в 1920 году. Это событие не заметить мы не могли. В спектакле играла несравненная Ханна Ровина, «первая леди еврейского театра».

Спектакль мы не видели, не успели. Ровина и все актеры театра Габима в 1928 году уехали в Палестину. Что сказать, они поступили правильно. Наш отъезд был еще впереди.

А пока у нас не было даже авторского текста пьесы, только пересказы, статьи театральных критиков, но нас это не особенно волновало. Мы смело дописывали текст сами.

Рассказ о безумной любви, жизни и смерти – это всегда

¹⁰ Диббук (*прилепившийся*) – дух в еврейском фольклоре, являющийся душой умершего человека. Предполагается, что душа, которая в своей земной жизни не закончила своё предназначение, может завершить его в форме диббука.

интересно. Сюжет начинается достаточно обычной историей. Молодой Ханан, влюбленный в Лею, не по душе ее отцу. Это старо, как мир. Таких героев много. А потом начинаются чудеса. Ханан умирает, но душа его остается между двух миров, он не жив и не мертв, душа не находит покоя. На земле его держат чувства к Лее.

Но в эту историю мы вложили и второй смысл. Мы в Ханане видели душу застрявшей между двух миров – Польшей и Эрец-Исраэль. Тогда, со всем юношеским максимализмом, мы считали тех, кто не определился в своем пути, чем-то вроде диббука.

Аарон, мой старый товарищ играл Ханана, а я, загримированный под старика, – отца его возлюбленной. Лею, так получилась, играла наша Лея, в которую я тогда был влюблен. Конечно, мне хотелось быть в пьесе не ее отцом, а возлюбленным, но не получилось.

А потом, во время спектакля, в самый трагический момент, у меня отклеилась борода. Что было делать? Продолжать резко помолодевшим или начать прилюдно ее приклеивать? Аарон просто вытолкнул меня за ширму с какими-то словами, кажется, что «стучат в дверь», оттуда я вышел уже бородатым.

Надо сказать, нам аплодировали... А Лее нравился не я и не Аарон, а Марек, он в пьесе не участвовал, но зато громче всех аплодировал.

Любовь к Лее как-то незаметно прошла. Потом мне стало

казаться, что я просто чемпион по несчастной любви. Возраст был такой, я влюблялся часто и неудачно, пока не стал все свободное время проводить с Рохеле Каплер. Честно говоря, это была ее инициатива, я бы не рискнул к ней подойти, так она была красива и независима.

* * *

В костопольской библиотеке закончился очередной любительский спектакль. Молодежь вышла на улицу, по двое-трое ребята начали расходиться. Я стоял в сторонке в одиночестве.

Ко мне подошла Рахель Каплер. Она давно заметила мои горячие взгляды. Наверное, ожидала от меня каких-нибудь действий, но я все не решался с ней заговорить. Рохеле устала дожидаться, пока я осмелею, и просто попросила проводить ее домой.

– Лео, ты не спешишь? Проводишь меня домой? Темно уже.

Мы шли рядом, очень хотелось быть находчивым и остроумным, но все приходящее на ум было ужасно глупо, совсем не то. Она рассказывала свои истории, а я все мучительно искал слова, хотел произвести впечатление, но все время лепетал что-то невразумительное.

– Лео, чья это была идея так переделать «Диббук»? Его сам «Ан-ский» не узнал бы. Это спектакль о любви, которая сильнее смерти, а вы превратили его в политический... Ханан застрял между двух миров. Почему он не жив и не мертв,

а душа его не находит покоя? Что его держит? Любовь!

– Может и любовь, только я думаю, что он застрял между двух миров, как и мы. Живем в Польше, а мечты об Эрец-Исраэль.

– Какой ты серьезный! Может ты преувеличиваешь? Эрец-Исраэль еще не скоро, а живем мы сейчас, в данную минуту. Есть сегодня. А что будет завтра?

И тут же, без перехода:

– А завтра давай пойдем в кино? Или ты не хочешь?

Пока я думал, как сказать, что готов идти с ней куда угодно и когда угодно, как Рохеле уже спросила снова:

– Так мы идем в кино? Что ты молчишь?

– Конечно, идем. Только завтра фильм с Элом Джолсоном. Наверное, ты его уже видела.

– Что за беда, посмотрим еще раз. Тебе Борек что-нибудь пишет?

– Нет, ни одного письма. Но я жду.

На обратном пути, уже в одиночестве, все, что надо было сказать, сразу прояснилось. Но Рахель и не ждала от меня фонтана красноречия, возможно, что я ей просто нравился. А если так, то хорошо даже молча идти рядом.

Позже красноречие у меня прорвалось, его стало слишком много. Более сложным стало немного помолчать... Многословие – это было просто прикрытие желания обнять ее, но я не решался и прятался за словами.

Мы гуляли по вечерним улицам или под липами вдоль ре-

ки и рассказывали друг другу всякие небылицы, разглядывали витрины, обсуждали будущую жизнь в Палестине.

Один уличный продавец пряников, они у него были дешевле, чем в кондитерской, всего по 10 грошей, придумал привнести в простую покупку пряника элемент азарта. Он брал у двух покупателей по половине цены пряника, а затем вынимал из кармана фартука горсть монет и предлагал угадать: чет-нечет. Угадавший выигрывал и получал пряник, но мне с Рохеле было все равно, кто выиграет, мы же были вместе.

Глава 6. 3 мая 1936 г.

Я запомнил этот день хорошо, все веселились на площади, праздновали «Национальный праздник третьего мая». В Польше в этот день приняли первую конституцию в Европе, вторую после американской. Гуляние проходило с размахом. Играла музыка, все танцевали, на соседней улице тоже играла музыка, там были разные бесплатные закуски для гуляющих, были и еще аттракционы, но нам с Рохеле было не до конституции.

Мы убежали от всех, остановились, запыхавшиеся... Рохеле была чудо как хороша, и я, наконец, поцеловал ее, просто не мог этого не сделать. Потом мы целовались целый вечер и никак не хотели оторваться друг от друга. Как я проклинал холодный ветер с реки, моя куртка и шубка Рохеле мешали прижаться друг к другу, а расстегнуть шубку я не решался. С этого дня все свободное время мы проводили вместе.

Через несколько дней Рохеле пригласила меня к себе домой. Дверь открыла горничная в белом переднике и проводила в гостиную. Для меня все это было ново, непривычно: в комнатах – красивая мебель, небольшие кресла, не новые, но очень удобные. Горничная вкатила столик на колесиках с кофейником и маленькими пирожными. Для меня и это невиданная роскошь.

На стене в золоченной раме висит портрет нахмуренного военного. Под его взглядом я поежился и как-то сразу стал чувствовать себя каким-то нерадивым солдатом.

Вошла Рохеле. Она посмотрела на наше переглядывание с портретом, улыбнулась.

– Это мой дед, у нас в семье все мужчины были военными. А папа у меня капитан, только он сейчас в командировке.

Отца Рохеле тогда не было дома, он куда-то уехал по военным делам.

Вскоре в комнату вошла мама Рахели, пани Берта, стройная элегантная женщина, с красивой прической. Она очень любезно беседовала со мной, но в такой обстановке я чувствовал себя как-то неуютно, и мы при первой же возможности ушли на прогулку.

С того времени я стал бывать дома у Рохеле достаточно часто, и однажды случилось то, что и должно было случиться, когда ты молод, и гормоны бурлят в крови, как сумасшедшие.

Потом мы сидели на диване, красные от смущения, но только скорое возвращение пани Берты удержало нас от повторения.

Это было впервые в жизни и вызвало ранее совершенно неведомые чувства, о которых мы знали лишь по книгам. Я был потрясен, ошеломлен захлестнувшими ощущениями, ни по дороге домой, ни уже дома, я не мог думать ни о чём другом, кроме завтрашней встречи.

* * *

Стояли изумительные, прозрачные летние вечера. На прогулках мы с Рохеле рассуждали о будущей предстоящей совместной жизни там, в каком-нибудь кибуце...

– Все будут прекрасно, Рохеле, мы обязательно будем жить вместе долго и счастливо!!!

Но «Если хочешь рассмешить Б-га, расскажи ему о своих планах!»

Рохеле говорила о жизни в Палестине, но уезжать туда хотела только вместе с родителями. Она очень близка с матерью, и отъезд без нее видится ей предательством. Её отец был связан с каким-то военным инженерным проектом, и его переезд пока откладывался на более позднее время, тогда смогут ехать и они.

Отец Рахели был польским патриотом, далекая Палестина ему, скорее всего, была не нужна. Он выбрал свой путь... Но Рохеле об этом мне не рассказывала.

Я должен был уехать в Палестину в 1937 г. в первой группе костопольской молодежи. Такие у нас были правила, лидеры всегда ехали первыми, показывая личный пример.

Перед отъездом я пришел попрощаться с матерью Рахели, пани Бертой. Она, не возражая слушала меня и Рахель, наши планы и обещания, и только грустно кивала. Конечно, она хочет счастья своей дочери, но только кто знает, где оно, это счастье.

Расставание с Рохеле далось очень тяжело, были и слезы,

и клятвы...

Но настало время отъезда. На перроне фотографируются отъезжающие. Мы с Рохеле стоим обнявшись, несколько в стороне.

Рахель говорит:

– Львенок, мой львенок, я скоро приеду, ты только жди меня. Я люблю тебя, мой львенок, только встретить меня обязательно.

– Рохеле, приезжай скорее.

Мы целуемся, никак не можем оторваться друг от друга. Друзья кричат, что поезд уже вот-вот отойдет, а мы все стоим, обнявшись, и, кажется, что нет такой силы, которая может нас разъединить.

– Лео, поезд уходит, ты остаешься? Или давайте вдвоем!

Мы целуемся снова, и я заскакиваю в поезд уже на ходу. Я еще долго видел одинокую фигурку Рохеле на перроне, потом только голубую полосу ее платья, а потом пропало и оно.

* * *

Я сижу в кресле у своего дома в кибуце Негба. Дина думает, что я задремал, тихонько что-то шьет, стараясь меня не беспокоить. Но так с закрытыми глазами просто лучше думается, ничего не отвлекает.

Вот мой друг Аарон Шнайдер. Его путь в Израиль был прямым, цель была ясна, и он шел к ней, никуда не сворачивая, не сбиваясь в пути. У него это получилось, не все так

могут. Или не они решают?

Поток времени несет с собой его обитателей, не спрашивая их согласия, то кружа на одном месте, то в сторону от задуманной цели... а то и вовсе сбрасывая с обрыва или швыряя в костер, в общем так, как ему хочется.

Возможно, возможно... Но и в этом потоке всегда есть выбор, есть развилки, есть островки... Вечный вопрос – по какому пути пойти, когда пойти, куда пойти, как найти правильный путь.

Есть и другой подход: «... А, может, не сегодня, может чуть позже... И вообще, даже здесь кажется можно жить...» И все – жизнь перевернулась, поток понес тебя по совсем иному пути. Но ты же хотел иначе, ты вроде решал...

Решал, но иногда в зазор между решением и исполнением может провалиться вся жизнь... Да и путь может быть прямее или извилистее, короче или длиннее.

Книга вторая: В страну, текущую молоком и медом

Глава 1. 1936 год

Костополь остался позади.

В дороге ребята не отходят от окон, все же их первая поездка за границу. Волнуются, – какая-то смесь радости, заботы и смутных ожиданий...

Проезжаем Австрию, Италию, и вот, наконец, Бриндизи!!! Город, как город, чего от него ожидали, каких чудес? Увидеть Ганнибала? Так это давно было.

А дальше морем – в страну нашей мечты...

На нижней палубе прямо под открытым небом вповалку, кто лежа, кто сидя, среди тюков и корзин расположилась большая семья. А может и несколько семей, поскольку было много взрослых пар, множество детей разных возрастов, а также старики и старухи. Некоторые из них весьма преклонного возраста. Все они были похожи на обычных польских или русских крестьян. Вот, разве что, дети не носились как угорелые, вели себя спокойно, даже степенно.

Я остановился рядом с сидевшей с краю немолодой женщиной, которая вдруг сказала:

– Субботники мы.

– Субботники? А что это такое?

– Раньше-то мы русскими были, давно уже приняли иудейску веру. По субботам не работаем, теперь вот перебираемся в Палестины. Житья никакого от урядника не стало, вот в румынскую землю и уехали, а теперь будем на земле израилевой себе дом делать. А ты-то куды направляешься?

– Я тоже еду землю еврейскую строить.

– Ты-то? – женщина смерила Лео с ног до головы с сомнением, даже с некоторым удивлением.

Я посмотрел на себя как бы со стороны. Одет я был с некоторым польским шиком, на голове канотье, подаренное отцом, вполне приличные ботинки... На фоне крестьян-субботников я казался изнеженным ребенком, неспособным к физическому труду. Я видел сидящих, это были сильные мужчины, одетые в простую, грубую, одежду... Стало обидно.

Я сказал им:

– Мы, которые из Польши, упертые. Я справлюсь!

В последующие дни, когда погода испортилась, и пошел дождь, я предложил субботникам забрать детей в каюту костопольской группы. Но сердитый, бородатый мужик отрубил:

– Еще чево! Они привычные. Нет в Галилее таких хором. Не видели никогда, и пробовать не надоть.

Наконец прошли пять дней утомительного морского пути,

МЫ ВЫХОДИМ НА БЕРЕГ.

Глава 2. 1936 год. Хайфа...

Наконец твердая земля. Вокруг все необычно, пестрая разношерстная толпа. Удивляет, почему они все кричат и размахивают руками. Слов разобрать невозможно, все сливается в какой-то странный гул. У дороги лежит верблюд. Он презрительно смотрит на нас и отворачивается, похоже, что мы ему не понравились. Солнце печет неимоверно. Встретил нас симпатичный парень из Иерусалима. Официальная часть тянется нудно, но все закончилось, и мы едем в свой первый кибуц.

«Вот она, страна свободы! Теперь наша жизнь пойдет в своей стране, и все будет прекрасно».

Приехали мы в поселение Нахалат Егуда. На кибуц наших представлений это место было мало похоже – какая-то пустынная каменистая гора. На ней кое-где виднелись чахлые кустики, непонятно как выживающие без воды под палящим солнцем. После польских садов и лесов это место казалось особенно унылым, нужно было обладать очень большим желанием, чтобы возродить эту землю, но оно у нас было, и уже через пару лет там стоял кибуц «Гиват ганим» – Холм садов!

А 22 сентября 1937 года в порту Хайфы ошвартовался маленький итальянский пароход «Марта Вашингтон». Я с друзьями встречал его, надеялся, что Рохеле приедет на этом пароходе, но она опять пообещала приехать позже.

Глава 3. 1936 год. Давид. Арабские ошибки

Давид:

Без этих дополнительных материалов «Арабские ошибки» во многом непонятны. Лео об этом не писал, да и просто не знал многих деталей. Это мое дополнение, написанное по архивным материалам.

* * *

Алан Сигрист, заместитель суперинтенданта Палестины, был смелым человеком, если кого и побаивался, то только своей жены, после рождения третьей дочери она вечно была чем-то недовольна. Арабов он точно не боялся, а сомневающимся убеждал дубинкой, которой владел виртуозно.

В пятницу, 12 июня 1936 года, он, как всегда, провел инспекцию полицейских подразделений в Старом городе Иерусалима. Машину вел сам, его охранник 25-летний британский констебль Эдмон Доксет сидел рядом. Недалеко от ворот Ирода, когда на склоне перед поворотом машина замедлила ход, два палестинских боевика решили поставить точку в его карьере. Сигрист был ранен, автомобиль упал с десятиметрового обрыва, но Доксет все же успел открыть огонь и одного из террористов застрелил.

Сигристу повезло, раны оказались неопасными, да и место, куда он свалился, оказалось очень неподходящим – все

же мусульманское кладбище было не для него, да и с юга приближался армейский конвой, в общем, после покушения он прожил долгую жизнь и скончался в кругу семьи в возрасте 90 лет.

Примерно в то же время, когда в Иерусалиме покушались на Сигриста, в Яффо попытались убить заместителя суперинтенданта Палестины Джона Фарадея, а 13 июня 1937 года три араба практически в упор расстреляли машину британского генерального инспектора полиции Роя Спайсера. Его водитель был ранен, а сам он спасся просто чудом.

Льюису Эндрюсу повезло меньше.

26 сентября 1937-го года. Воскресный день был хорош, жара спала и настроение у Льюиса Эндрюса, британского комиссара Северного округа Палестины, было соответствующим. В городе Христа, в Назарете, он отправился в церковь – куда еще идти в воскресенье? Но предсказуемость поступков часто опасна для жизни. Может хорошее настроение виновато, а, может, он верил в неприкосновенность своего статуса, но по дороге в церковь он был убит. Засаду организовали сторонники шейха аль-Кассама.

Шло так называемое «арабское восстание» 1936-1939 годов. То, что арабы напали на англичан, оказалось серьезной ошибкой.

Глава 4. 1937 год. Дгания. Лео, Моше Даян

Жизнь в кибуце не пришлась мне по душе. Идеал еврея-земледельца я, безусловно, принимал еще с Костополя, но растворяться в массе мне совсем не хотелось. Надо было решать, как жить дальше.

Я попрощался с друзьями и верхом отправился в Дганию, где уже были созданы еврейские боевые отряды – «Полевые роты» (пругот саде) Ицхака Садэ.

– Это для меня самое подходящее дело! – объяснял я в кибуце.

В то время арабские группы часто нападали на еврейские поселения, и такое путешествие в одиночку было далеко небезопасным. Пришлось полагаться на удачу и старый «Смит-Вессон» образца 1872 года, которым я к тому времени разжился. Револьвер был тяжелым, но обошелся сравнительно дешево – 5 палестинских фунтов, так что бóльшая надежда была не на навыки в стрельбе, а на устрашающий вид револьвера.

Солнце палит нещадно. Чуть заметная дорожка петляет между холмами. Вокруг сухая выжженная безжалостным солнцем земля с жалкими признаками растительности. «Ну, здесь-то даже моих скудных агрономических познаний хватает, – думалось почти машинально, – чтобы понять: выраст-

тить на такой земле, скорее всего, невозможно ничего».

Но вот впереди показалась высокая густая трава с толстыми стеблями. Она росла в пойме ручья, дорожка уходила прямо в ручей. Конь осторожно направился в пробитый предыдущими всадниками коридор в жесткой траве. Под копытами зачавкала вода.

Вода уже дошла до середины сапог. Я с беспокойством наблюдал, как конь все более и более погружается в мутную жижу. Впрочем, сам конь никаких признаков беспокойства не проявлял, и это немного успокаивало.

Вокруг стоял монотонный зуд тысяч насекомых. Пришлось опустить и застегнуть рукава толстой военной рубашки, наглухо застегнуть ворот, надвинуть глубоко шляпу и двигаться дальше.

Впереди, несколько левее, около реки стояла маленькая, одинокая пальма. Дгания, наверное, была уже близко, за высокими кустами угадывалось жилье.

Со стороны реки показался всадник. Он был в чистой, светлой рубашке, на голове ковбойская шляпа с загнутыми по бокам полями, на поясе кобура с револьвером. Он безо всяких церемоний бросил:

- Привет! Куда путь держишь?
- В Дганию.
- Что ты там ищешь?
- А ты, собственно, кто такой будешь, чтобы вопросы задавать?

– Полицейский, так что отвечать придется. С какой целью направляешься в Дганию? – сухо и официально спросил он.

– Видел я полицейских в Хайфе, там и форма другая, и разговор другой.

– Ты мне надоел. Я из еврейского отряда палестинской полиции Ицхака Садэ.

– Так я к вам и еду, надеюсь, что возьмете.

Полицейский нахмурился, а я с интересом разглядывал его. Настоящий боец самого Ицхака Садэ! Он был повыше ростом, примерно одного со мной возраста, старался выглядеть строгим и серьезным, но глаза смотрели с любопытством.

– Кто тебе сказал, что мы тебя примем?

– Испытаете меня, тогда и решите.

Дальше мы поехали вместе.

Впереди показались бараки. Две девушки в подпоясанных веревками платьях из грубой ткани готовили пищу на костре. Виднелись несколько деревянных строений, сарай... Это и была Дгания.

Пока решалась моя судьба, я жил и работал в кибуце. А с тем молодым парнем-полицейским мы вскоре подружились. Звали его Моше Даян.

* * *

Англичане всерьез взялись за подавление арабских беспорядков. Туземные разборки между арабами и евреями они еще терпели, но роковой ошибкой арабов стали нападения на

англичан и их сакральный объект – нефтепровод, идущий в порт Хайфы. Покушений на сакральное англичане не стерпели и сформировали местную еврейскую полицию, в которой Моше Даян быстро стал сержантом. Продлилось его сержанство недолго. Слово «субординация» Даян понимал плохо.

Мне дружба с Моше помогла. По ходатайству Даяна я был вскоре принят на шестинедельные «курсы командиров взводов» Хаганы. Ицхак Садэ, возглавлявший тогда еврейскую поселенческую полицию, лучшим курсантом считал Моше Даяна, поэтому его ходатайство имело вес.

Занятия на курсах начинались в 6.30 утра и продолжались до поздней ночи. Интенсивные тренировки, стрельбы, занятия по топографии и ориентированию на местности, особенно в ночное время, и конечно, боевое патрулирование, где каждый стремился показать, чему научился.

Мы с Моше часто ходили в рейды вместе.

В одном из рейдов после перехода по болотистой местности пришлось устроить небольшой привал. На нас не было сухой нитки, все было в грязи и тине, но гнус – это было просто невыносимо.

– Чего тебя сюда понесло, Лео? – спросил Даян. – Сидел бы сейчас в коровнике и пил теплое молоко!

– В это время, Моше, даже коровы спят.

Я прихлопнул наглого комара на щеке и немного помолчал.

– Я был плохим кибуцником, Моше. Чем бы ни занимался

в кибуце, какую бы работу ни выполнял, она всегда была мне не по душе, я всегда стремился в боевые подразделения. Были и такие, кто мог в кибуце всей душой отдаваться работе, а потом, также от всей души, на время становиться солдатом.

– И много их было?

– Большинство. У меня так не получалось. Мне на двух стульях было неудобно. Вот я и выбрал сидеть с тобой в болоте. А руководители кибуца, они были мирными людьми, когда им удавалось срезать бюджет на оружие, они радовались: «Спасли еще одного теленка для хозяйства».

– Что-то странно звучит... Так уж, все были мирными?

– Не все на тебя похожи. Ты, я думаю, как научился ходить, так с пистолетом не расставался.

Моше рассмеялся.

– Ну, конечно, не все, не все. Но помешанных на военном деле всегда хватало. Вот два таких идиота и сидят сейчас в болоте.

Некоторое время мы молча вслушивались в ночные шорохи.

– Моше, мне сложно понять, почему англичане подыгрывают арабам...

– Да не подыгрывают они. Они не за и не против нас, им подавай стабильность. А что евреи или арабы... Им все безразличны. Британцы знают, как управлять разными экзотическими народами. Просто евреи... В общем, для англичан мы народ странный, не укладывающийся в обычные рамки,

да еще ко всему претендующий на равенство. С кем? С британцами? Это же надо такое придумать!!! Ладно, пора идти.

Глава 5. 1937 год. Дгания, Шушана

После рейда мы собрались отдыхать, но к Моше подбежал Арье, солдат нашего подразделения. Гимнастерка его была растегнута, он был какой-то возбужденный и растерянный.

– Моше, Шушана пропала. Вечером я думал, что она с кем-то гуляет, но ее нет нигде... Нельзя терять ни минуты.

Сестра Арье, Шушана, был 18-летней красавицей, мы все были в нее немного влюблены. Но исчезновение. Куда? Времена опасные, да если она и уходила бы на свидание, то давно была бы дома.

Вскоре были организованы четыре тройки солдат для поисков. Я с Моше и Арье отправились по дороге в сторону арабского села.

Через полтора километра пути Моше сказал, что знает тут недалеко пещеру, ее нужно проверить.

В пещеру он вошел один и сразу вышел.

– Арье, – Моше обнял его, – Шушаны больше нет.

Арье рванулся в пещеру. В пещере в луже крови лежала Шушана в разорванном платье с перерезанным горлом.

С огромным трудом мы привели Арье обратно. За Шушной отправили людей. Горе было общим.

Когда с Арье стало возможно разговаривать, то Моше сказал:

– Узнавать, чья это работа, будем мы с Лео. А откручивать

голову – будешь ты. Жди нас.

Недалеко от деревни Моше устроил засаду.

– Нужно знать арабов. Они обязательно будут хвастаться этим в деревне. Нам все равно кого захватить, только нужно молодого. Старики такими вещами не занимаются.

Стемнело. На тропе показался араб на осле. Он ехал спокойно, возможно из-за близости дома, а, может, из-за огромного ружья за спиной. Захват занял долю секунды. Араб так ничего и не успел понять.

Мы сидим в той же самой пещере, на земле черными пятнами видна запекшаяся кровь. Араб испуганно переводит глаза с Моше на меня.

– Азиз, – говорит Моше, – ты меня знаешь?

– Да, Муса, ты был гостем на свадьбе у Галиба...

– Был ли случай, когда я дал слово и не сдержал его?

– Нет, Муса, кто ж этого не знает!

– Так вот, если я немедленно не узнаю, кто убил нашу девочку, то я тебе отрежу уши и нос, а потом отдам вот ему. Только ты потом уже ничего и никогда не увидишь.

– Муса, я тут ни при чем.

– Если бы был при чем, то уже умер бы.

– Дай, мне им заняться! – сказал я, доставая нож.

Араб заговорил:

– Муса, мы хотим мира. Это приезжий сириец, он подбил сына лавочника Гафура. Это они вдвоем, их дело. Мухтар посадил их под замок.

– Азиз, ты заслужил смерть. Почему ты сам не убил их? Но я отпущу тебя. Только помни, одно слово о нашей встрече, и ты предстанешь перед Аллахом. А сейчас иди!

Араб заплакал.

– Ты благородный человек, Муса. Спасибо, да продлятся твои дни.

Он не стал ждать повторного разрешения, и через мгновение уже несся к деревне.

– Лео, завтра идем к мухтару, я его знаю. А сейчас спать.

* * *

Мухтар деревни был представительным, седобородым, но крепким, как старое дерево во дворе его дома. Он пригласил нас присесть в тени.

– Как здоровье?

– Прекрасно, слава Аллаху.

– Как урожай?

– Очень хороший, слава Аллаху. Как сыновья? Здоров ли отец?

Казалось, что этому разговору не будет конца.

Наконец, были поданы маленькие чашки крепкого, сладкого кофе. Моше заговорил о величии и красоте мира между соседями и о необходимости его беречь. Мухтар поддержал его.

– Красоту мира нарушили два твоих человека, мухтар. И я знаю их имена. Это сириец и сын Гафура. Плохо, если эти двое смогут разрушить мир между нами. Между нами из-

за них кровь. Позволь нам на сегодня расстаться, а завтра я приду за твоим решением.

– Муса, мы сделаем все для своих соседей.

Моше собрался встать, но в этот момент в комнату внесли тарелки с виноградом и инжиром и чашки горького кофе. Пришлось еще задержаться.

По дороге домой Моше объяснял мне.

– Нужно знать, с кем имеешь дело. Война с нами ему не нужна. Завтра он скажет, что арестовал обоих, но ночью они сделали подкоп и бежали, будет горевать, обещать, что если они вернуться, то арестует их снова. Но все это ерунда. С темнотой они будут пробираться в Ливан. Дойти они могут только до нас. И Арье пойдет с нами, это его право.

* * *

Из деревни двое беглецов вышли сразу с наступлением темноты. Тропа была хорошо скрыта в кустарнике, но они хорошо её знали и шли практически бесшумно.

– Вот они, – Моше показал на идущего впереди. – Лео, ты снимаешь первого, Арье второго.

Раздался выстрел, первый араб упал, но второго выстрела не было. Моше рванулся вперед и увидел, что Арье свалил второго араба, но тот пока жив.

– Ты помнишь мою сестру. – спросил его Арье.

Араб молчал. Потом плюнул под ноги Арье.

– Все, ты умер. – сказал Арье и резким движением перерезал ему горло.

Домой они возвращались молча. Уже возле дома Арье сказал:

– Это не вернет мне сестру.

Глава 6. 1938 год. Дгания, Орд Вингейт

Когда на очередных стрельбах я вошел в пятерку лучших, меня пригласил познакомиться сам Ицхак Садэ.

Я не ожидал этого приглашения. Ицхак казался суровым и недоступным. Его вид – могучая грудь циркового борца, чемпиона Петербурга, прошедшего фронт Первой мировой войны, и одновременно лысина, круглое лицо и очки провинциального директора школы, застиранные линялые шорты и, при этом, ореол абсолютного бесстрашия – все как-то не вязалось одно с другим...

Я не понимал, зачем мог понадобиться командиру. Откуда мне было знать, что Ицхак лично отбирал людей для ответственных рейдов.

Опасения оказались напрасными, Ицхак относился к лучшим курсантам, как к своим детям, а когда оказалось, что мы еще и земляки с ним, то отношения потеплели еще более.

– Лео, тут один сумасшедший англичанин готовит «Специальные ночные отряды». Нужны крепкие ребята, умеющие ориентироваться на местности и хорошо стрелять. Я хочу направить тебя туда. Подготовка в его отрядах серьезная, пригодится.

– Что это, англичане решили рискнуть, набрать евреев?

– Арабы сделали ошибку, ударили англичан в самое чув-

ствительное место.

– Это в какое?

– В нефтепровод.

Английский офицер, капитан артиллерии Чарльз Орд Вингейт, опираясь на свой суданский опыт, боролся с бандитами, действуя небольшими мобильными отрядами. Ребята Ицхака Садэ оказались для него просто находкой. Так я впервые стал солдатом английского подразделения.

Вингейт лично тренировал и обучал своих «спецназовцев». Его отряды патрулировали на вездеходах линию нефтепровода Киркук – Хайфа, совершали рейды по деревням, служившим укрытиями для бандитов, уничтожая главарей отрядов.

В рейды уходили ночами.

Этой ночью группу вел сам Орд Вингейт. Кроме Даяна и меня, с ним было еще двое бойцов. Тропа из Ливана, которой пользовались боевики, была нам уже хорошо известна. Там и устроили засаду.

Вскоре со стороны Ливана появилось двое арабов. Они несли рюкзаки, за спинами были видны длинные, неудобные в таких операциях, винтовки.

Захват застал их врасплох. Они сидели рядом на земле со связанными руками и молчали. Мины в рюкзаках не оставили сомнений в их целях и без признаний. Они шли взорвать нефтепровод.

Вингейт приставил револьвер ко лбу первому и задал во-

прос:

– У вас одна группа или есть и другие? Чей отряд?

Вингейт свободно говорил по-арабски. Он окончил специальные годовые курсы с оценкой 85 баллов из 100 возможных и пленных допрашивал сам.

Араб презрительно посмотрел на него и плюнул Орду под ноги. Выстрел раздался мгновенно. Орд тут же повернулся ко второму арабу и сунул ему ствол револьвера в ноздрю.

– Вопрос слышал?

Араб немедленно заговорил. Судьба напарника, боль в рассеченной губе, запах пороха из ствола револьвера, все это помогло ему разговориться.

Он рассказывал все, что знал, много больше, чем спрашивали.

– Сегодня вышли две группы.

– Сколько всего таких групп? Кто командует?

– На юге Ливана таких отрядов – десятки, примерно по 15-20 человек, централизованного руководства они не признают, но задания муфтия Аль-Хуссейни выполняют. Этот подрыв нефтепровода – его приказание.

Араб добавил:

– Я не хотел, но муфтий – страшный человек. Не пойдешь – умрешь. Я боялся.

– А меня не боялся? – спросил Вингейт.

Араб назвал еще одну точку подрыва. Она была восточнее на полтора километра. Нужно было спешить перехватить

вторую группу. Уже уходя, Лео услышал второй выстрел.

– Моше, он же все сказал?

– Так что? Отпустить его, чтобы он поднял тревогу?

– Что-то не так!

– Привыкнешь!

Привыкнуть я не успел.

К ноябрю 1938 года англичане устали от арабских беспорядков. В Палестину прибыл генерал-майор Бернارد Монтгомери – «Монти». Он был солдатом, и в политические нюансы не вникал. Сразу же отмел рассуждения о «национальном восстании», «волнениях местных жителей», «вышедшем из-под контроля национальном движении» и прочие обтекаемые формулы бюрократов администрации мандата. У него была дивизия, и он знал, как решать проблемы.

Монтгомери никаких сантиментов к вооруженному врагу не испытывал, оценил ситуацию как войну с «шайками профессиональных бандитов» и дал своим солдатам приказ короткий и ясный:

– Мы в зоне военных действий. Применение оружия на поражение разрешено.

Восстание генерал подавил к началу 1939 года, солдат орденами наградил, население успокоил. Монтгомери был дальновиден и понимал, как действовать. Только вот муфтий сумел бежать и продолжить руководить арабскими беспорядками из Дамаска и Бейрута.

Я к тому времени стал владельцем прекрасного коня. Его

подарил мухтар деревни в знак примирения. Арье взять коня отказался.

– Если я возьму коня, то, значит, счет мой к ним закрыт? Мы с ними все равно скоро схлестнемся. Придут другие из Ливана, и мухтар их не удержит. Нет, не возьму коня. Пусть Лео берет, ему, наконец, научиться нужно.

– Как ты его назовешь, Лео? – спросил Моше.

– Еще не знаю. Посмотри на его глаза. «Плут» подходит больше всего.

– Плут так Плут. Важно, на что ты на нем способен. Пока ты вроде мешка картошки на коне.

Все свободное время мне приходилось проводить с Плутом. Держаться в седле я научился быстро и вскоре перешел к тренировкам в рубке. Но когда в азарте рубанул лозу, которую любовно выращивал Давид, то целую неделю ходил с подбитым глазом.

В начале 1939 года англичане распустили отряды Вингейта.

Я оседлал Плута и поехал к своим польским друзьям в кибуц «Гиват Ганим».

Пустынная земля.

«Молока и меда» по-прежнему было мало, была земля, текущая кровью.

Книга третья: Нью-Йорк. Сентябрь 1938. Боб

Дождь льет, как из ведра, дворники автомобиля практически не справляются. Такое впечатление, что чаша терпения на небесах переполнилась, и начинается новый Всемирный потоп.

Полицейская машина медленно проезжает мимо парка Аллисон Понд. В машине двое патрульных. За рулем Боб. Его напарник Джо уплетает ужин, ему потоп-не потоп, важно поскорее домой. Жена его без ужина не отпускает в патрулирование. Еврейская жена, она по-другому не может.

Рация запрашивает их местонахождение.

– Мы на Пэнброк. Тут вроде драка собирается. Вывалились откуда-то человек 15. Дождь льет, а им все нипочем.

– Пусть разомнутся. Срочно в район доков. По докладам там стрельба. Доложите обстановку, направим поддержку.

В районе доков слышна мощная перестрелка. Создавалось впечатление новой Каstellаммарской войны¹¹.

Боб осторожно подъезжает к району стрельбы, незачем обнаруживать себя раньше времени.

¹¹ Каstellаммарская война – кровавый конфликт за контроль над италоамериканской мафией между сторонниками Джо Массерия и Сальваторе Маранцано. Войну назвали так, потому что Маранцано был родом из Каstellаммаре-дель-Гольфо.

– Что будем делать, сержант?

– А ничего особенного, Джек, главное не лезть впереди всех. Подождем ребят, а то с нашими двумя стволами тут ловить нечего. Такое впечатление, что все банды Нью-Йорка решили выяснить отношения почему-то именно здесь, и именно во время нашего дежурства.

Джек, достал свой любимый винчестер, он управлялся им просто виртуозно. В такой ситуации, это очень полезное оружие. Своей зоной поражения винчестер может заменить с десяток пистолетов, но только на короткой дистанции.

Дорога впереди перекрыта сброшенным контейнером. За ним вроде тихо.

– Боб, чего они бесятся. Жить устали?

– Просто ребята переели бифштексов. От этого руки почти сами по себе потянутся к оружию. Это не Монтекки и Капулетти. Эти пострашнее – семья Маранцано и семья Лучано. Вчера предупреждали об этом. Ты что, забыл? Меряются, у кого больше!

– А что больше?

– А все, важно чтобы больше, а что – неважно.

Пуля разбила боковое стекло автомобиля.

– Пора менять положение. Да и где обещанная поддержка? Мы что, вдвоем эту войну должны выиграть?

Стрельба усилилась. Боевики Маранцано и Лучано патронов не жалели, активно убивали друг друга, и, заодно, тех, кто мог случайно оказаться на линии огня. Боб начал объ-

езжать их справа, чтобы только не оказываться в эпицентре боя, не повторить глупости, которую он сделал вчера, арестовав одного из убийц на виду у всей улицы.

Боб иногда думал, что чем больше бандиты будут убивать друг друга, тем чище будет город. Но их взаимные убийства не помогали. Уже прошла война, названная «Кастелламмарской», а город чище не становился. На смену убитым приходили другие, пока еще живые. «Великая депрессия» делал свое дело, работы не было, а в «семье» есть какой-то шанс заработать.

Мимо пробежал очередной «герой». Кто-то невидимый из «Чикагского пианино¹²» дал по нему очередь, и это чуть не стоило Бобу жизни. Пули защелкали по контейнеру над головой.

«Герой» лежал на асфальте, и Боб решил рискнуть и разжиться томи-ганом. В его кольте M1911 оставалось только 4 патрона, да в запасной обойме еще 7. Особо не разгуляешься. С автоматом в руках можно будет чувствовать себя увереннее.

– Джек, прикрой меня!

Боб бросился к лежащему на земле автомату, поскользнулся и упал в лужу. Невидимый стрелок выстрелил по нему, но не смог попасть, и Джек поймал пулю, предназначавшуюся Бобу.

¹² Так был назван «Томми-ган» – автомат Томпсона, излюбленное оружие мафии, полиции и военных.

В это время в их сторону побежали трое боевиков. Боб уложил их из пистолета, а затем еще двоих.

Нужно было выбираться из этой передряги не только самому, но и вытащить напарника. Джек, совсем молодой парень, недавно женился. Нашлась же дуреха, согласившаяся на это.

Боб взвалил Джека на плечо, тот застонал.

– Стонать должен я, кроме тебя тащу еще и твой ужин, так что терпи.

Боб прижался к мокрой стене. Ночью, на ее фоне он был практически незаметен. Дело портили только сдуру захватившие в опасную зону автомобили. Когда на плащ Боба попал луч фары, то отблеск мог его выдать. Двигаться было опасно, но еще опаснее стоять на месте.

В это время пуля попала в бензобак их автомобиля. Взрыв и яркое пламя отвлекли стрелявших и дали возможность сменить позицию.

Боб начал медленно продвигаться вдоль стены к соседнему зданию. Вдруг он чуть не рассмеялся, неожиданно представил, как смотрится со стороны: на плече – раненый Джек, в одной руке томи-ган, в другой – кольт. В такую картинку даже в Голливуде не поверят.

На счастье, дверь была открыта. Боб случайно задел стену, Джек застонал.

Наконец они в коридоре. Тут по крайней мере не льет. Ни одна дверь не открылась, никто не реагировал ни на звонки,

ни на стук в дверь. Боб взвалил напарника на плечо и поднялся этажом выше.

– Откройте! Полиция!

Реакции никакой. Боб уложил Джека рядом с дверью и ударом ноги вышиб дверь.

В квартире оказались две дрожащие от страха женщины.

– Полиция! Где у вас телефон?

Боб уложил Джека на диван и стал звонить в участок и скорую помощь.

– Ранен офицер полиции!

Помощь пообещали.

Женщины, как могли, перевязали Джека и приготовили кофе. И только сейчас Боб почувствовал, что ранен. Он посадил Джека рядом с собой, боялся, что тот задохнется, если потеряет сознание. Через некоторое время он отключился и сам.

Боб пришел в себя от того, что кто-то его тряс за плечо.

– Отпусти, Боб, его нужно срочно увозить.

Это говорил полицейский, приехавший за ними.

«Черт побери, нужно было ехать с Лео в Палестину». Это была последняя мысль перед потерей сознания.

Полицейский врач занялся Бобом.

– В нем одна пуля и две навывлет прошли. Крови много потерял.

– Как шансы?

– Справится. Здоров, как чертов бык на ранчо моего отца.

Танцы на улице вроде закончились?

– Закончились. Бери, понесли.

* * *

Прошло три дня. Боб еще с рукой на перевязи работает с бумагами.

– Боб, а гаубицей тебя повредить можно? Томми-гана вроде недостаточно?

Это Липски. Язык чесать его любимое развлечение.

– Боб, тебя капитан требует.

Капитан кого-то разносил по телефону. Боб ждал. Он стоял и думал, что тот, на другом конце провода возможно и виноват, но трубка телефона уж точно ни при чем...

Наконец разговор закончился.

– Садись, Боб, чего стоишь, не знаешь куда сесть? И вообще, как лейтенант, ты должен ко мне чаще заходить.

– Как сержант, сэр!

– Уже, как лейтенант. Там у входа тебя журналисты ждут, так что ты уходи через второй выход. Для полицейского фотография в газете может быть к концу карьеры. Есть примета такая, конечно, если заниматься не бумажной работой. Сейчас иди, приготовь что надо, с ребятами нужно отметить.

– А вы, капитан?

– Я обязательно приду. А сейчас иди, работы много.

* * *

Дома Боб чувствовал себя одиноко. Женильба? Какая женильба, ты не можешь знать свой завтрашний день, что ты

можешь предложить женщине? То, что тебя похоронит государство? А ей это нужно?

Боб уселся на свой знавший лучшие времена диван, налил виски, и потянулся за альбомом с польскими фотографиями.

На одной из них он был сфотографирован на ринге после боя со спортсменом из Познани. Хорошо, что ребята попали в кадр. Где они сейчас, как они?

Лео возделывает свою любимую Палестину. Наверное, без звуков томми-ганов. А Марек вероятно уже в СССР...

Зарплата лейтенанта наверно позволит через пару лет съездить, повидаться. Это будет здорово. А сейчас нужно готовиться к пати.

Но до встречи с друзьями оказалось не два года, а девять лет.

Книга четвертая: 1939 год. Лео

Глава 1. 1939 год. Негба. Лео

В кибуце «Гиват Ганим» для меня сразу нашлась подходящая работа, я стал начальником охраны. Когда темнело, дежурные занимали сторожевые посты и вслушивались в ночь. Все было хорошо, ночи приносили тишину и прохладу. Но расслабиться охране я не давал, тишина – она обманчива.

Основания для беспокойства были. Англичане в основном подавили арабские волнения, но было понятно, что это временно.

Ишув готовился, активно строил новые укрепленные кибуцы. Они создавали «факты на местности» и опорные точки будущей обороны, размещенные достаточно продумано. Создавалась непрерывная цепь еврейских поселений. Это была работа на будущее.

Кибуцы строили по принципу «Стена и башня». Это был двор, защищенный двойной деревянной стеной. В пространство между наружной и внутренней стенами засыпался гравий. С внешней стороны стена была защищена колючей проволокой. В центре двора или у стены сооружалась сторожевая вышка, снабженная электрогенератором и мощным прожектором. Жилые помещения располагались по углам двора.

Британцы запрещали строительство новых еврейских поселений, но по действующему здесь турецкому законодательству завершенные здания и объекты сносить не позволялось. Приходилось строить кибуц за одну ночь от заката до рассвета. Для этого разрешения не требовалось.

Перед костопольскими друзьями была поставлена задача – построить самый южный, на то время, кибуц Негба. Он должен был стать «ключом к Негеву».

Кибуц, как и положено, родился за одну ночь. Это произошло 12 июля 1939 г. Сборные блоки, секции стен, окна и вышки изготовили и сложили в ближайшем селении, привезли электрогенераторы и прочее оборудование. Поздно вечером в полной темноте, окольными путями, чтобы не столкнуться с английскими патрулями, грузовики двинулись в путь. Туда же приехали сотни добровольцев-строителей из полудюжины соседних кибуцев.

Они установили блоки на месте нового поселения, окружили участок колючей проволокой. Группы по трое мужчин вбивали в землю железные колы для ограждения, женщины раскатывали сорокапудовые мотки колючей проволоки. Семь рядов проволоки с перекрещением между каждыми двумя рядами – это была тяжелейшая работа. Женщины менялись, то работая клещами, то надрывались, перетаскивали мотки колючей проволоки на новое место.

К утру строительство, в том числе двойная стена, заполненная землей и камнями, и сторожевая башня, были по-

строены. Уложились в 5-6 часов. Рассвет застал пасторальную картину – на холме сидела молодежь и, как деликатесы лучшей кухни мира, уплетала праздничную трапезу из бутербродов.

Потом строители уехали, а в новом укрепленном поселении осталась группа из 35 человек, ставших его жителями. Освоением примыкающего участка они занялись немедленно.

Мне, как полицейскому, имеющему легальное оружие, было поручено патрулировать окрестности. На коне с кавалерийским карабином за спиной я выглядел достаточно воинственно и вполне мог надеяться напугать любого враждебно настроенного араба.

Днем к ограждению кибуца приблизилась группа арабов. Они просто не верили своим глазам.

Я подъехал к ним. Они спросили:

– Откуда вы здесь?

– Мы давно тут...

– Вас тут не было!

– Может чудо?

Арабы постояли, помолчали. Их пригласили на кофе. После кофе расстались почти друзьями.

Англичане в чудеса не верили. К воротам подошли английский сержант и двое жандармов... Сержант был в ярости, лицо багровое, глаза налиты кровью:

– Что это значит? Что вы тут делаете?

Это опять моя работа.

– Разве не видно? Мы тут живем.

– Как так! Вчера я проходил мимо и не заметил никакого поселения! Когда вы его построили?

– Откуда я знаю? Когда я пришел, здесь уже были люди...

Полицейские осмотрелись. Заканчивали строить курятник, девушки в шортах разогревали суп на костре, маленькая ферма, казалось, стояла уже давно, люди работали спокойно...

Я улыбнулся, нужно было налаживать отношения:

– Ладно. Заходите, выпейте с нами кофе. Может, и коньяк найдется...

На лице полицейского появилась улыбка. Что и говорить, коньяк – штука полезная.

Глава 2. 1939 год. Английский солдат

1 сентября в Европе началась война.

Англичане то создавали еврейские боевые отряды, то расформировывали. Военное руководство поддерживало их создание, административное было резко против, а ветер перемен дул то в одну, то в другую сторону.

Руководство ишува открыло бюро записи добровольцев в английскую армию. Я был там одним из первых. В течение недели добровольцев стало более 100 тысяч. Сто тысяч, готовых воевать, мужчин и женщин – треть всего еврейского населения Эрец-Исраэль.

Каждому пришлось решать, выбирать свой путь, кому копить оружие в кибуцах и готовиться к войне, кому – в английскую армию. Для меня выбор был не сложен, я сразу выбрал армию, тогда, в 1939 иной силы против фашистов не было.

Англичане не хотели вооружать и обучать еврейских добровольцев, они предполагали, что это потом станет для них проблемой. Не хотели они и создания еврейских подразделений под британскими знаменами.

Потом британцы решили, что нашли выход. Он им виделся в создании смешанных еврейско-арабских частей, причем не боевых, а вспомогательных, с равным представительством евреев и арабов.

Но тут они просчитались. Соблюдать пропорциональность в наборе невозможно, если нет пропорциональности в мотивации. Евреи шли в английскую армию, чтобы воевать с немцами и получить серьезную военную подготовку на будущее. У арабов таких целей не было, они шли в английские войска неохотно и всегда были в меньшинстве.

Ситуация стала меняться в начале 1940 года, когда премьер-министром стал Уинстон Черчилль. Стронником сионизма он не был, но стечение чрезвычайных обстоятельств заставляло его изыскивать резервы везде, где только можно. Таким резервом стали еврейские добровольцы.

В январе 1942 года Роммель атаковал позиции 8-й английской армии в Северной Африке. Британцы были практически разбиты, началось паническое отступление. В английском посольстве в Каире уже жгли секретные документы.

Сложившаяся ситуация полностью изменила отношение англичан к еврейским добровольцам. Настал «медовый месяц» в отношениях между английской армией и ишувом, правда, до создания еврейской бригады было еще далеко.

Меня зачислили солдатом 2 роты Royal East Kent Regiment, одного из старейших британских полков с почти четырехсотлетней историей. История и дала им название «Buffs», из-за некогда традиционной одежды из буйволиной кожи. Кожаной одежды уже не было, а название осталось.

Мы проходили военную подготовку в Сарафанде, в огромном лагере с госпиталем, казармами и складами, внутренней

тюрмой для маапилим – незаконных эмигрантов...

А военный лагерь «Сарафанд»... Место было то еще, по собственной воле я туда бы точно никогда не пришел.

Столовой служил деревянный барак с решетчатой дверью, завешенной чем-то вроде марли для защиты от мух. Мухам об этом не сообщили, они были везде и во всем. Когда на стол ставили масло, то примерно через час оно выглядело блюдцем с желтой краской, в котором мухи устраивали соревнование по плаванью. Когда кто-то входил в столовую, все сразу же нервно смотрели на дверь. Нужно было убедиться, что дверь закрыта плотно, и мухи не получают подкрепления.

Когда новичок неплотно закрывал дверь, то кто-то немедленно бросался к двери закрыть ее, а потом раздавался дружный крик:

– Тебя что, в поле родили, ты, мудака?

А если он закрывал дверь правильно, то ждали, пока новичок не спросит про масло. Тогда ему немедленно предлагали две или три тарелки, в которых мухи все еще боролись за жизнь.

В свободные дни играли в футбол. Новички были видны сразу, на фоне черных и коричневых тел ветеранов, они выделялись белизной, но ненадолго. Вскоре они становились розовыми, а к вечеру уже не знали, как улечься в постели, чтобы не болела сгоревшая кожа.

Через некоторое время в лагере появились и женские во-

инские подразделения. Само присутствие женщин делало лагерь не то, чтобы симпатичнее, но как-то приемлемее. Их набирали для пополнения Женского вспомогательного территориального корпуса «Auxiliary Territorial Service – ATS» и Женского вспомогательного корпуса ВВС «Women’s Auxiliary AirForce – WAAF».

Женщин было немало. Возможно, им надоела однообразная работа в кибуце, а, может, заговорила авантюрная жилка. Но это и неважно. Они составляли седьмую часть всех еврейских добровольцев в Палестине, и четверть среди женщин в форме на всем Ближнем Востоке. Предполагалось, что они заполнят конторские штаты, станут медсестрами, водителями, поварами, но это были женщины ишува, причем те, кто добровольно пошли в армию. Равенство было их принципом, они хотели быть разведчиками, парашютистами, связными в немецком тылу.

Для женщин-парашютистов в Сарафанде проводилась только начальная подготовка, завершалась она на базе в Каире. В Сарафанде они вместе с солдатами изучали различные виды стрелкового оружия, противотанковые средства и взрывчатые вещества, стреляли из пулеметов Брен, и часто их результаты были лучшими. Но они были женщинами среди молодых мужчин.

Глава 3. 1939 год. Рут Полански

Возможна ли романтика возле пулемета Брен? Да еще в таком лагере, как Сарафанд?

Она не просто возможна, она возникает непременно. И дело тут не только в молодости. Все готовились воевать, понимали опасность, и это добавляло остроты в отношения. Когда смерть ходит поблизости, эмоции усиливаются. Никто не знал, когда его очередь, и это просто кидало людей друг к другу. Девушки становились более сговорчивыми, чем обычно. Любили или нет? Кто знает. Скорее жалели...

Беременность могла стать большой проблемой. В этом случае пришлось бы бесславно возвращаться домой, а кому это было нужно? Но все равно, когда мужчины и женщины работают в тесном сотрудничестве, романы или браки неизбежны.

Девушки о происходящем на войне знали больше, чем солдаты-мужчины. Они были связистками, информацию получали, правда, предназначенную не для них, самыми первыми.

Среди связисток я ее и увидел. Что меня к ней толкнуло? Это было что-то непонятное, какой-то ток, притяжение...

Звали ее Рут Полански. Была ли её фамилия той, которую она носила в детстве, или так она хотела сохранить память о Польше – я не знал ...

Рут не была красавицей, да и, к тому же, выглядела очень неприступной. Были другие девушки, они поглядывали на меня благожелательно, но мне нужна была только она.

Разговор начался глупо. Я ничего лучше не придумал, как начать задираться. Спросил ее:

– Как ты сюда попала, что там, в кибуце, кухня на ремонте? А тут еще и стрелять нужно уметь.

Она сразу предложила мне проверить, кто может только болтать, а кто стрелять.

Я очень гордился своей береттой, которую тщательно прятал ото всех. У пистолета были отличные боевые качества, если ухаживать за ним как должно, то он прослужит лет 100. Я не собирался использовать его сто лет, но ухаживал за ним примерно с таким расчетом. А сейчас появился повод показать класс в стрельбе, тем более, что туда, где можно было стрелять, предстояло пройтись вместе с ней.

– По какой мишени будем стрелять? С какого расстояния?

– А у тебя, солдат, есть часы? Рискнешь?

– Какой тут риск, возле часов будет самое безопасное место.

Часы были неплохие, пришлось повесить их в виде мишени на куст. Отмерили 20 шагов, она стреляла первой. Первой и последней. От часов после ее выстрела остались только воспоминания.

Рут сказала:

– Не грусти, солдат. Уверена, что ты стреляешь не хуже,

зачем разбивать еще одни часы. Вот, возьми мои на память.

С этого и началась наша дружба-любовь. Стрелять Рут учил отец, он с семьей остался в Польше, что с ними сегодня она не знала.

Рут рассказывала, что кибуцная жизнь была не для нее. Личной жизни там вообще никакой не было. Нужно было отказать себя от себя, жить тем, что было нужно в данную секунду, например, работой в прачечной или на прополке. Очень мешала привычка думать.

– О чем думать? За тебя уже подумали, просто выполняй, как можно лучше. – говорила Рут – Понятно, что рабочую одежду нужно стирать, а картошку чистить, но все это работа рукам, не голове... Я чувствовала, что я начинаю сходить с ума.

Так с разговорами и шли мы обратно в лагерь. Мне казалось, что мы знакомы с Рут очень давно, может, я знал ее всю жизнь, только на время забыл об этом.

Через несколько дней мы вышли в город, погулять, посетить бар, поговорить вдаль от толкотни Сарафанда.

Совсем недалеко от базы встретился английский патруль с сержантом и тремя молодыми солдатами. Они остановили нас, возможно, заподозрив в нас террористов. Вполне резонно – террористы и должны выглядеть очень мирными. А может просто скучали. Мне пришлось уговаривать патрульных позволить достать удостоверение из кармана. Сержант воткнул мне ствол в ребра на случай, если вместо докумен-

тов я вытащу пистолет. Под курткой у меня была «беретта», так что беспокойство сержанта было вполне обосновано, а его «Sten» я потом чувствовал ребрами почти неделю.

Мы неплохо посидели в баре, а потом по дороге в лагерь то пели, то смеялись, то целовались.

С этого времени наши встречи стали регулярными, каждую свободную минуту я бежал к ней. Мы искали укромное место, обнимались, целовались и строили планы на будущее. Чем еще заниматься в разгар войны? Какие планы, когда неизвестен даже завтрашний день, но мы надеялись жить долго.

А совсем скоро нам вместе пришлось выполнять задания Хаганы.

Моя вторая рота охраняла базу Латрун и оружейные склады в районе Хайфы, другие роты – охраняли склады ВМФ в Атлите, да и все остальные занимались тем же. Где еще брать оружие для кибуцев, если не на складах?

В общем, меня подключили к этой работе. Время было такое, что если бы поймали, то, скорее всего, повесили бы, но вариантов не было. Оружие – это был вопрос вопросов, его нужно было много. Вот только на английских военных базах оно было предназначено не для Хаганы.

Для этого дела нам нужна была не только английская военная форма, не только бланки и печати, но и знание расположения объектов на базе, режима работы, и, конечно, людей, тех, кто занимал интересные в этом плане должности.

Похищенное оружие нужно было передать доверенным людям в кибуцах, они его уже научились хорошо прятать.

Англичане искали оружие ишува непрерывно, обыск следовал за обыском, в ход шли дубинки, ружейные приклады, но и кибуцы все время совершенствовались умение прятать свои арсеналы – «слики»¹³. Когда англичане для поиска «сликов» стали использовать миноискатели, то оружие стали прятать там, где миноискатели были неэффективны, например, под водопроводными трубами. Использовали все, и молочные бидоны, и железные цистерны, закопанные в землю...

За «слик» обычно отвечали только два человека в кибуце, и лишь они одни знали его расположение, да и это расположение нужно было менять каждые полгода, причем перепрятывать в совершенно неприметное место, закапывать его на глубину в полтора метра без всякой отметки.

В кибуце Негба оружие у меня обычно принимал костопольский друг Аарон.

С ним произошел такой случай.

Аарон рассказывал:

– Я с товарищем должны были перепрятать «слик». Место, где мы его закопали, я был уверен, что помню точно. Это было девять шагов от угла склада на восток и шесть шагов от дерева. Мы копали целую ночь и не нашли его. Это была катастрофа. Как прийти и сказать об этом? Оружие – наша

¹³ «Слик» —подпольный склад оружия (иврите -קילם)

жизнь. Мы были в отчаянии. Копали вторую ночь, и ничего не нашли, и только на третью ночь лопата ударилась об ящик. Мы сидели на краю ямы, плакали и смеялись от счастья.

Нужно сказать, что в Негбе оружие англичанами не было найдено ни разу.

Аарон с друзьями, как и все пригодные к военной службе мужчины и женщины, входили в те или иные воинские подразделения ишува. Они тренировались в обращении с оружием, правда приходилось экономить боеприпасы.

О том, как добывалось оружие, мы с Аароном не говорили. Операции были нелегальными, абсолютно секретными, обсуждать такие вещи даже между собой было не принято, но, обсуждай или нет, удачные похищения оружия – прямое следствие работы на английских военных базах, а среди них Сарафанд была самой крупной.

На базу приезжал грузовик с поддельным ордером, загружал штук 300 винтовок, и в ту же ночь они оказывались в подпольных арсеналах ишува.

Был и еще один источник оружия – подпольные мастерские. Отто Хусмайер, один из производителей такого оружия создал для этого фирму Т.Т.Г.

Когда мы забирали у него очередную партию оружия, я поинтересовался:

– Интересное название Т.Т.Г., что оно означает?

Отто засмеялся.

– Это аббревиатура идишско-арабского выражения «тиль-

хас тизи гешефтен». «Тильхас тизи» на арабском означает «поцелуй меня в задницу», а «гешефтен», он и есть гешефтен.

Для Отто понадобились чертежи немецких минометов и ручных пулеметов. Они хранились на складе, который поочередно охранялся еврейским, индийским и британским взводом. А в еврейском взводе служил младший лейтенант Амос Бен-Гурион, сын будущего первого премьер-министра Израиля. Он помог забраться в склад, где хранились чертежи. Но столько оружия!!! Как было уйти просто с пачкой бумажных листов, пусть даже важных чертежей, и не загрузить еще и оружие?

Грузовик наполнили винтовками и помчались на юг, нужно было все срочно спрятать. Двигались окольными путями, спускаясь вниз по вади¹⁴ с потушенными фарами. Но спешка при езде с потушенными фарами чуть не провалила операцию – грузовик сшиб осла. Радиатор был поврежден. Машина дальше двигаться не могла.

Это произошло примерно в ста метрах от другого британского лагеря, где была мастерская. Что делать? Форма английская, поддельные бумаги выполнены хорошо, нужно рискнуть.

Я разбудил командира базы словами:

– Мы выполняем особое задание, это оружие должно быть

¹⁴ Вади – арабское название сухих русел рек, заполняемых во время сильных ливней. Они могут достигать многих сотен километров в длину.

сразу же отправлено на фронт в Африку.

Командир выделил людей. Они починили грузовик, и скоро оружие и чертежи были в слике кибуца.

В «оружейных операциях» Рут оказалась незаменимой. Она была просто мастером по изготовлению документов. Подлинный документ девочки из канцелярии давали ей на одну ночь, а назавтра у нас уже был наряд на оружие, с которым можно было ехать на склад. А я очень органично смотрелся в форме капитана английской армии.

Но отношения с Рут развивались сложно. Она, то приближала меня, то отталкивала, то была рядом, то за невидимой стеной. Оттолкнула она меня и в нашу последнюю ночь перед ее отправкой в Каир.

Мы сняли две комнаты на третьем этаже маленькой гостиницы и спустились в ресторан, говорили о каких-то пустяках...

– Я не могу больше, – слова вырвались неожиданно для самого себя.

Мы сразу поднялись наверх в ее комнату. Рут прижалась ко мне, отвечала на каждый поцелуй. Я поднял ее, понес к кровати, и сам опустился рядом на колени. Но вдруг она вырвалась.

– Нет! Я не могу, уходи...

Я подумал, что ослышался, но она стояла на своем.

– Нам не 17 лет, ты что, надо мной издеваешься? Играй с другими, а с меня хватит!

Когда я ушел, уже закрывая дверь, услышал, что Рут плачет.

Назавтра мы не могли смотреть в глаза друг другу. Я надеялся, что все еще наладится, но времени было отпущено мало. Возможно, Рут просто берегла меня, она лучше понимала завтрашний день.

* * *

Пополнение арсеналов ишува не могло продолжаться бесконечно. SIS¹⁵ была эффективной организацией, и кольцо вокруг «оружейников» понемногу сжиматься. Нужно было на время затаиться, а для Рут наступило время отправки со своей группой сначала в Египет, а потом на какое-то задание. Через четыре месяца она погибла у берегов Ливии. В корабль попала бомба, и он затонул в считанные минуты, спасти не удалось никого. Так её не стало.

Я любил Рут, боль потери чувствовалась все время. Это было как осколок в теле, который хирург так и не смог извлечь.

¹⁵ Секретная разведывательная служба (англ. *Secret Intelligence Service, SIS*), – государственный орган внешней разведки Великобритании.

Глава 4. 1939 год. Мистер «Шмайсер»

Жизнь шла своим чередом.

В апреле 1943 года недалеко от базы Аарон, мой костопольский друг, встретил британского солдата. Тот находился на отдыхе в Сарафанде. Солдат оказался земляком, он в Польше жил недалеко от Костополя. Идиш и польский их как-то сразу сблизили, быстро нашлись дальние родственники и общие знакомые.

Оказалось, что солдат служит в «транспортном отряде 462». Британцы набрали туда солдат-евреев из Палестины, в, как бы, не боевые части. Они очень не хотели обучать еврейских солдат, вполне резонно предполагая, что после войны те могут выступить против них. Использовать их лишь как специалистов и чернорабочих казалось логичным, прагматичным решением. Эти солдаты прокладывали через ливийскую пустыню трубы для подачи воды, разгружали корабли в Тобруке под непрерывным огнем авиации, то есть реально работали на победу.

Солдат обратился к Аарону с просьбой:

– У меня, конечно, есть личное оружие, но у меня еще есть и трофейный «шмайсер». Я не хочу, чтобы британский офицер, увидев меня со «шмайсером» на улице, конфисковал его. Можно оставить его тебе на хранение? Мы скоро уходим, но ты же остаешься. А когда я вернусь, отдашь. Если

захочешь опробовать его, то я не возражаю, только помни, к нему подходит 9-мм патрон «парабеллум». Я не могу сказать тебе, куда идем, да я и сам толком не знаю, так, слухи... На всякий случай мы оставили женам «гет»¹⁶. Но я вернусь, так что ты береги мою машинку.

Аарон ждал солдата, а позже узнал, что солдат погиб недалеко от Бенгази, у берегов Ливии. Солдаты «транспортного отряда 462» находились на судне «Египтуа», в составе большого конвоя. Его обнаружила немецкая авиаразведка, в корабль попали две бомбы, и он затонул за 4 минуты. На «Египтуа» погибли 140 еврейских солдат, в том числе и хозяин «шмайсера».

Так «шмайсер» остался в слике у Аарона. Он так за ним ухаживал, что казалось – «шмайсер» должен бегать за ним по кибуцу, как собачка. С этого времени к Аарону прилипло прозвище «Мистер шмайсер»

* * *

Отношения с арабами становились все напряженней. Странные английские идеи пропорционального представительства евреев и арабов везде, где можно и нельзя, серьезно усложняли обстановку. Вполне ожидаемо в Сарафанде 16 июля 1943 года 16-я рота подралась с траншейной ротой, набранной из арабов. Драка была жестокая, у арабов погибло

¹⁶ Гет – разводное письмо. Если солдат погибнет так, что тела не найдут и не будет свидетелей его гибели, то его жена не будет считаться вдовой и не сможет в дальнейшем устроить свою жизнь.

несколько человек. Чтобы как-то разрядить обстановку, 16-ю роту отправили в Египет. Но все это были заплатки на прорехи.

* * *

Свои краткосрочные отпуска я проводил в Негбе в семье Аарона. К сожалению, так получилось, что действительность постепенно ломала наши отношения. Кибуцы были лево-социалистическими и твердо стояли на позиции Бен-Гуриона, а кибуц Негба был их левым флангом. Для них все, кто шел путем Жаботинского, были почти фашистами, раскольниками, террористами и ревизионистами. Взаимоотношения Хаганы и ЭЦЕЛЯ были серьезно испорчены еще со времени Белой книги Макдональда¹⁷.

Эстер, жена Аарона, как-то сказала:

– Прекратите, хватит спорить! Я уже не могу вас слышать! Такое впечатление, что мир треснул, и трещина идет точно между вами. Поешьте спокойно.

Но «хватит» сказать просто. Сделать сложнее.

– Аарон, пойми, – говорил я, стараясь быть невозмутимо спокойным, – вы слишком увлеклись риторикой социал-си-

¹⁷ Белая книга 1939 г. или Белая книга Макдональда – отчет министра колоний Великобритании Малькольма Макдональда британскому парламенту о политике правительства в отношении Британского мандата в Палестине. В соответствии с докладом количество иммигрантов-евреев не должно было превышать 75 000 человек, и еврейское население должно было составить не более 1/3 населения Палестины. Через 5 лет въезд евреев в страну запрещался, а покупка евреями земли запрещалась либо ограничивалась.

онизма, как заколдованные. Для вас, кибуцников, верность идеологии, верность партии, стала выше, чем верность еврейскому народу. Вы просто бездумные солдаты партии.

– А тебе, само собой, все ясно и понятно. Ты знаешь единственно верный путь в будущее?

– Тебе здорово промыли мозги, ты молишься на процесс становления хозяйства кибуца. Зачем он нужен без Страны? Можно подумать, что «Белая книга» это такая шутка англичан. Они сдадут страну арабам с помощью вашей идиотской политики сдержанности. Таким путем мы снова станем второсортными, да и то, если нам это позволят. А ты просто потерял себя, свою индивидуальность, стоишь в общей шеренге, не глядя, где и зачем. Пальмахники докатились до того, что сами охотятся на наших бойцов и сдают англичанам. «Операция Сезон¹⁸» – что это, если не предательство?

– Я не знаю, что это. Я не знаю, сдают или не сдают. Я знаю, что мы росли вместе, а разговариваем, как враги. Мы же всегда понимали друг друга.

– Понимали, но тогда никому и в голову не могло прийти сдать своего брата полиции. Для вас мы оказались опаснее «внешних врагов». Вы сошли с ума. Вы просто не понимаете, что мы необходимы для общего дела, что бы по этому поводу ни говорил Бен-Гурион. Недавно я спросил одно-

¹⁸ Операция «Сезон» – операция, проведённая в 1944—1945 в Палестине руководством ишува против еврейских подпольных организаций сионистов-ревионистов «Эцел» («Иргун») и «ЛЕХИ».

го из раненых. Он – кибуцник из Ашомер Ацаир, молодой, симпатичный парень. Он сказал о своем понимании будущих действий: «Сперва мы должны выгнать британцев. Потом мы должны разбить арабов. А затем – покончить с нашими собственными фашистами, людьми из Иргуна». Это же надо так обработать парня! «Ты действительно считаешь их фашистами?» спросил я. «Конечно же». «Как ты определяешь фашистов?» «О» сказал он небрежно, «ты только посмотри на них. Они типичны». Гражданская война между евреями в будущем еврейском государстве его не пугала. Но он мальчишка, а ты на мальчишку уже не похож. Пора бы своей головой думать.

– Давай успокоимся. У нас общая задача. Но я скажу тебе, как простой кибуцник – если каждый вол будет иметь собственное мнение о пахоте, то она станет невозможной. А вы – каждый сам себе почти машиах. Сколько сейчас бойцов у Лехи? Да, они геройские парни, они могут сделать налет на базу и отбить кого-то, они могут взорвать какой-то объект, но на Хагане лежит защита всего ишува. Ты знаешь, сколько здесь англичан? Попробуй хотя бы прикинуть, сколько их в Сарафанде. Да и, кроме того, сколько они могут перебросить сюда из Ирака или Индии? То, что ваши герои не боятся погибнуть, это понятно, но они ставят под удар Хагану, причем во время войны с Гитлером.

– Я тебя понял. Ты поменял местами цель и средство. Ради сохранения Хаганы нужно заранее согласиться с по-

ражением? Нельзя мешать англичанам воевать с Гитлером, это понятно. Но как они находят силы на войну с еврейскими эмигрантами? Почему английские эсминцы не воюют с Гитлером, а ловят суда еврейских эмигрантов? Эсминцы у них лишние? Эти силы они спокойно отрывают от «Большой войны». С кем они воюют? С теми, кто смог спастись от гибели в Европе? Дай мне для объяснения хоть одну внятную причину.

Аарон нервно ходил по веранде.

Я продолжил:

– Бен-Гурион постановил, что ишув будет сотрудничать с Великобританией против нацистов на военном уровне, но будет продолжать сопротивляться Белой книге по вопросам иммиграции и взаимоотношений с арабами. Возможно, тебе это и понятно. Мне – нет, – продолжил я. – Они продавливают свою «Белую книгу» именно военными методами, а мы им – «навлага – сдержанность», вот и весь наш ответ! Я солдат, и хорошо понимаю, что сила еще и в духе, а вы сегодня это отбросили, забыли, зачем мы здесь. Никакие обещания помощи евреям, данные любым правительством, включая и наше собственное, не стоят той бумаги, на которой они написаны. Только сами, только своими руками, а не бумагой... Вот так. Шалом.

Я повернулся и ушел. В это время на веранду вышла Эстер с кастрюлей.

– Где Лео?

– Ушел.

– Ты с ума сошел, как ты мог его отпустить. Ты об этом еще пожалеешь. Не все можно исправить потом. Ешь один. Приятного аппетита!

Она ушла в дом, сердито хлопнув дверью.

* * *

Споры с Аароном подошли к концу.

Мне было понятно, что истина лежит где-то посередине. Душа Аарона болела так же, как и у меня, и именно из-за роста недовольства и прямого неподчинения бойцов и командиров Хаганы эта внутренняя война – операция «Сезон», по крайней мере на время, была прекращена.

А для меня настало время отправляться в Египет, там шло комплектование «Еврейской бригады», Уинстон Черчилль, наконец, согласился на ее формирование.

Книга пятая: Еврейская бригада

Глава 1. Дело было в Италии. 1945 г.

Слова Черчилля в Парламенте в сентябре 1944 года ишув услышал:

«Я знаю, есть огромное количество евреев в наших и американских силах, во всех армиях, но мне кажется, что особая воинская часть, составленная из сынов того народа, который пережил неопишуемые страдания от нацистов, должна стать отдельным формированием среди сил, собранных для нанесения врагу окончательного поражения».

Еврейскую бригаду после долгих проволочек наконец сформировали. В бригаде было более пяти с половиной тысяч бойцов в составе трех пехотных батальонов, одного артиллерийского и нескольких вспомогательных подразделений.

Знаменем стало белое полотно с двумя голубыми полосами, золотым магендавидом и надписью «Еврейская бригада» на английском языке. Было крайне важно воевать именно под еврейским флагом – хуцпа¹⁹ обязывала.

¹⁹ В еврейских кругах хуцпу чаще понимают, как дерзость, выходящую за пределы того, что менее успешные люди считают возможным, и позволяющую преодолевать кажущиеся непреодолимыми препятствия.

Бригаду включили в состав Восьмой армии. Экзотикой она не стала, в Восьмую входили подразделения из разных стран Британского содружества, были даже родезийские и южноафриканские части. В нее влилась и армия Андерса, сыгравшая важную роль в штурме Монте-Кассино. Всего в восьмой армии было около 220 тысяч человек, так что Еврейская бригада в 8-й армии была сравнительно небольшим подразделением.

В октябре 1944-го бригаду отправили в Италию. Весь переход я провел на верхней палубе, в трюме было слишком тоскливо. Один из кораблей конвоя на глазах у меня подрвался на mine и затонул, кого-то спасли, но погибли многие. К счастью, в воздухе уже господствовали союзники.

Я стал солдатом в 200-м еврейском артиллерийском батальоне, в 604-й батарее под командованием замечательного майора. Звали его – Эдмонд де Ротшильд. Фамилия знаменитая, она известна всем, но майор Эдди известен меньше.

Он оказался приятным, контактным человеком, доступным и приветливым. В общем-то, тогда все были равны, солдат – он и есть солдат. Но майор Эдди, он был особенным, видимо традиции семьи, воспитание... Оказалось, что и банкир может быть толковым артиллерийским офицером. Мы сошлись с ним на общем интересе к еврейской истории.

Эдди, английский аристократ, прекрасно понимал, что значит еврейская бригада. Понимал это до мелочей, до символов, таких, как нашивка с магендавидом на левом плече

у солдат.

Знаменем у батальона, как у любого английского подразделения, был «Юнион Джек», официальный флаг, но был и свой, бело-синий, только магендавид был не синим, а золотым. В центре магендавида солдаты разместили синюю букву «Р», знак 604-й батареи.

Мы стоял в Тиволи, когда к нам прибыл инспектор, проверяющий из штаба 8-й армии. От этого полковника издали тянуло аристократическим клубом где-то в центре Лондона и дорогими сигарами. Он с удивлением уставился на этот флаг.

– Что это такое?

– Это утвержденное знамя батареи, сэр! – сказал Эдди.

Полковник этим удовлетворился, или, скорее всего, просто сделал вид. Говорить Эдмонду де Ротшильду, пусть и в звании пониже, что он ему не верит, полковник не стал.

В октябре-ноябре 44-го года батальон стоял уже возле симпатичного итальянского городка Форли. Но было не до городских красот, шли интенсивные тренировки. У многих солдат был опыт действий против арабских банд в Палестине, но это была не армейская подготовка, нужно было учиться воевать так, как это делает армия. Первый бой батальон принял, действуя против 42-й егерской дивизии вермахта. Затем, к концу февраля 1945-го батальон занял позиции на южном берегу реки Сенио (Senio).

Немцы, вернее те, кого они насобирали, занимали обо-

рону на северном берегу. Их позиции были хорошо оборудованы, задача выбить их оттуда была непростой. Непосредственно 200-му еврейскому батальону противостоял 12-й парашютный полк 4-й парашютной дивизии вермахта. Это были своеобразные парашютисты – без самолетов и парашютов. Операцию против них начали 9 апреля. Под плотной дымовой завесой мы форсировали реку, захватили плацдарм на северном берегу. Наступление пошло успешно, и вскоре батальон дошел до Болоньи.

Немецкой дивизией командовал генерал-лейтенант Треттнер. Он, скорее всего, понимал, что война проиграна, но там, в долине реки Сенио близ Болоньи в тяжелых боях погибли сотни солдат еврейского батальона. Тем не менее, после двух месяцев интенсивных боевых действий, с Треттнером справились. И тогда самым сложным оказалась проблема пленных немцев – желающих покончить с ними было достаточно много.

Там, в самой Болонье, на главной площади было столпотворение, солдаты батальона и итальянцы, жители города, все кричат, размахивают флагами... На празднике – весь город.

Ко мне подошел какой-то пожилой итальянец и спросил:
– Inglese?

Я согласился:

– Si, signor!

Итальянец тут же сунул мне в руку бутылку прекрасного

старого коньяка. Наверное, это был лучший коньяк в жизни.

14 апреля батальон праздновал Песах. Мацы было достаточно, откуда ее привезли, я не знал, а вино для первой пасхальной ночи было с виноградника Ротшильдов в Ришон ле-Ционе в Палестине.

Майор Эдди произнес благословение:

– Благословен Ты, Господь, Владыка вселенной, который даровал нам жизнь, поддерживал ее в нас и дал дожить до времени этого! – продолжал Эдди.

Аггаду читал сержант Арье:

– Вчера рабы, сегодня свободные люди...

Для солдат эти слова были наполнены особым смыслом, как никогда раньше. Они были еврейскими воинами, под еврейским знаменем, воевавшие за свою свободу. Этого не было почти 20 веков... У многих на глазах были слезы.

Это был незабываемый Песах. Много праздников было до этого дня, много будет после, но такого, я был в этом уверен, не повторится никогда. Еврейские солдаты сидели плечом к плечу и знали, рабами их уже не сделать.

Война закончилась всего через несколько недель после Песаха, но работа Еврейской бригады в Европе была далека от завершения.

Из Болоньи батальон перебросили в Удине. Этот город освобождали новозеландцы. Там было полно югославских партизан. Эйфория победителей! Они не подчинялись практически никому, этого они просто не умели, но применять

свое оружие, это они как раз умели неплохо. Нужно было аккуратно их разоружить, не спровоцировать сопротивление, стрельбу.

Решили, что фельдмаршал Александр устроит в честь победы салют на одной из городских площадей, главное, чтобы выход в город шел через узкое горлышко. Солдаты стояли в почетном карауле, но у них было не только личное оружие, но и вполне убедительная 25-фунтовая пушка. Охранение было организовано по всему периметру.

Югославы пели и танцевали, но потом обнаружили, что они не могут выйти, не сдав оружие. Эпизод завершился мирно.

Операция с пленными узбеками, бывшими советскими военнопленными, воевавшими на стороне немцев, завершилась иначе. Скорее всего, не все они были узбеки, немцы сформировали мусульманские подразделения из советских военнопленных из Средней Азии, но кто их различал, кто узбек, а кто нет? Предстояло вернуть их на советскую сторону. Грузовики батальона перевозили «узбеков» через условную границу непрерывно в течение двух дней. Этой границей был горбатый мост с «Юнион Джеком» на одной стороне и «Серпом и молотом» на другой. «Узбеки» срочно отрывали и выбрасывали медали и нашивки, которые они получили в то время, когда воевали за немцев. Грузовики с ними все шли и шли на советскую сторону, а оттуда были хорошо слышны звуки выстрелов. Позже мы узнали, что все они сра-

зу же были расстреляны.

Глава 2. 1945 г. Капитан Алекс Левич

К вечеру майор Эдди вызвал меня к себе.

– Лео, поезжай к полякам, к Андерсу, там у него находится раненый капитан Алекс Левич. Получи в там, в штабе, сопроводительные документы и доставь его к американцам.

– Есть, будет сделано, Эдди. А в чем дело?

– Об этом широко не говорят, но сейчас напряглись отношения между поляками и англичанами.

– С чего бы это?

– Давление Москвы. У них уже есть свое польское правительство, а в Англии свое. Дядюшка Джо давит на Черчилля, чтобы только его поляки были официально признаны. Тому приходится делать выбор между своими поляками и Сталиным. Да тут еще ФДР поддержал Сталина... Вот и получается, что Черчиллю ссориться со Сталиным из-за Андерса сейчас не с руки. Сталин важнее. Вот поляки и обратились с просьбой. Ну и вообще – это все тебя не очень-то касается. Этот Левич вроде американский офицер польского происхождения, хочет вернуться к своим. Вот и помоги ему.

– Могу взять машину, он все же раненый?

– Возьми мой виллис.

В штабе Андерса бумаги на Левича были уже готовы.

Левич оказался здоровенным мужчиной с мощной грудью и кулаками, с которыми встречаться не хотелось. В свои 48

лет он был абсолютно седым. В боях у Монте-Кассино, он получил пулю в голову и ногу, но ему повезло. Его подобрали и не дали истечь кровью. Рану в ногу заштопали, голову подлечили, но он еще был очень слаб.

Оказалось, что совсем ребенком родители вывезли его в Штаты, но дома звучал польский, да два года в армии Андерса вернули ему польскую речь.

Я решил сначала приехать к себе, связаться с американцами и уточнить, куда именно доставить Левича. В дороге мы разговорились и почувствовали себя друзьями. На войне все происходит быстрее.

– Скажи Алекс, с твоим ранением тебе выпить можно?

– Лео, я думаю – нужно. Но до ближайшего открытого ресторана нужно лететь на самолете.

– Один открыт совсем недалеко. Это в моей палатке. Там и заночуем, а завтра я повезу тебя дальше.

– Хороший план, принято!

Вечером, когда друзья приступили к запасам вина в моей палатке, к нам присоединился майор Эдди с двумя бутылками коньяка. За ним подтянулись еще человек шесть.

– Алекс, как ты из американской армии попал к Андерсу?

– У тебя коньяка не хватит на эту историю.

– Достану еще. Рассказывай.

Глава 3. 1945 г. Рассказ Алекса

Войну, не эту, а ту, прошлую, я закончил подполковником, но это было временное звание. Когда нас вернули домой, я снова стал первым лейтенантом. Выдержать тоску в небольшом форте в бескрайней пустыне на мексиканской границе первой не смогла жена. Развод прошел мирно, но стало совсем тошно. Вокруг до самого горизонта выгоревшая трава да кактусы, унылые домики офицеров и казармы для рядовых, давно требующие ремонта.

Мы с еще одним поляком, капитаном Мазуром решили, что пора найти себе другое дело. Нас радостно отправили в отставку, и Мазур поехал в Польшу. Он считал, что возрождающейся стране его боевой опыт пригодится.

Я решил остаться. Но деньги, у них есть странная особенность. Вот они еще есть, и вдруг – уже нет! Закончились они удивительно быстро. Единственная работа, которую я смог найти, была офицером по безопасности у Альберта Кана в его проектах в Советской России.

– Ты работал в России?

– Пришлось. Первое время все шло хорошо, но настал момент, когда заводы были в основном построены, советские специалисты обучены, все основные документы и чертежи переданы заказчику, но контракт есть контракт. Его решили не нарушать, а выдать американцев иначе. Один за другим

под различными предлогами наших людей стали арестовывать, а я все бегал к Сергею Фролову, куратору из ОГПУ, и вытаскивал их из камер. Намозолил я ему глаза выше меры. Они там – высшая власть, не привыкли к спорящим, да к тому же американцам.

– Удавалось вытаскивать ребят?

– Отпускали только под обязательство немедленно покинуть страну, а в 1932 году вообще разорвали контракт с фирмой Albert Kahn Inc., и всех ее сотрудников обязали покинуть СССР. Вот тогда за день до отъезда меня арестовали. Кану сказали, что я через три дня поеду вслед за ними, просто есть некоторые формальности, а когда все уехали, то меня сначала попробовали завербовать. Не вышло. Тогда связали и стали избивать. Особенно Фролов старался.

Потом Фролов с улыбкой сказал мне, что меня, Алекса, уже не существует, что я, как разоблаченный шпион, бежал, и мое местонахождение неизвестно. Так я с чужими документами, как шпион нескольких разведок, попал в ГУЛАГ в районе Ташкента.

– Санаторий? Ташкент все же...

– Первым делом в этом «санатории» с меня попытались снять хорошие ботинки. С пятерыми я справился, а больше просто не смогли подойти. А через некоторое время меня попытался убить какой-то вор. Но только слегка ранил заточкой. Меня отправили в карцер, его в лазарет.

– Чего это он, ботиночного урока не хватило?

– Видимо был приказ местного опера. Я его раз видел. Лейтенант какой-то. Но через 10 дней, когда я вышел из карцера, ночью меня вызвали к Михалычу, вору в законе, который рулил всеми порядками в зоне за спиной у администрации.

От него я узнал, что напавший на меня, выполнял приказание лагерного опера, а значит он – ссученый.

– Ссученый?

– Ну, секретно работающий на администрацию. А тут закон один. Утонул, бедняга в нужнике. Но тот опер тоже не зажился. Его свои же арестовали, и он сгинул. Так что про меня пока забыли.

– Как это – свои арестовали.

– А там как меняли наркомов – Ягоду на Ежова. Когда меняют, то всех и перетряхивают, многих расстреливают, чтобы остальные ровно дышали.

– Давай дальше. Кончится война – сценарий напишешь. Миллионером станешь.

– Так интересно вот что – Михалыч оказался казачьим есаулом с тремя «Георгиями», чудом ушедшим от расстрела. Так и стал вором, ну а командирские и боевые навыки подняли его на самый верх воровской иерархии. Военное прошлое нас и сблизило.

Теперь воры со мной вежливо здоровались, как же – приятель самого Михалыча.

Но в очередном разговоре Михалыч сказал мне:

– Ты, парень, не радуйся, что про тебя забыли. Они ничего не забывают. Если решили тебя убить, то убьют. Тебе бежать надо. Забирайся куда подальше, и не сиди в одном месте. Лучше всего заготовитель чего угодно – это подойдет. Согласен? Я помогу.

Конечно, я согласился. Бежал я с группой зэков. Нас не особо охраняли. Считалось, что бежать бесполезно, все равно никуда не деться. Но у меня все получилось.

Михалыч дал адрес в Ташкенте, где я мог отсидеться несколько дней и получить необходимые документы. С учетом акцента, документы мне сделали на литовца. Их тут, высланных, хватало.

Я устроился в заготконтору, связанную с разъездами по дальним селениям, закупал у населения то, что они в состоянии произвести.

– Ну и чудеса ты рассказываешь!

– Ребята, вы верите в чудеса?

– Кто не верит в чудеса, тот не реалист.

– Рассказываю про чудо. В 1939 году в разъездах по селам я приехал к полякам, высланным в Казахстан после начала войны. У них было, что закупать.

– А чудо?

– Будет. Первый, кого я там встретил, был мой сослуживец и старый друг Борис Мазур. Мы с ним расстались на мексиканской границе, чтобы встретиться тут, в Средней Азии. У Бориса нашлась бутылка водки, и мы отметили удивитель-

ную встречу. Борис и предложил спрятать меня в польской общине. Недавно умер поручик Вит Кравчик. Тот уже был многократно проверен, так что интересоваться Витом никто не будет. Его документами я и воспользовался. Мазур сказал, что вопросов задавать не будут, а доносчиков у них нет.

Но нужно было организовать не вызывающее вопросов собственное исчезновение. Я дождался весеннего половодья реки Чирчик, рассказал, что пошел ловить рыбу. Знающих людей, предупреждавших, что не время, слушать не стал. Перевернутую лодку прибило к берегу ниже по течению, а меня, как бы утонувшего, так и не нашли.

Так я стал поручиком Витом Кравчиком.

В 1941 году, когда положение на фронтах было особенно плохое советские стали формировать польские части. Они позже стали армией Владислава Андерса.

Мы с Борисом явились в штаб-квартиру Андерса в поселке Вревский в числе первых. А в начале 1942 года Борис принес из штаба радостное сообщение – поляков планируют отправить в Иран.

В Иран или не в Иран, какая разница, главное вырваться отсюда. К 1 сентября 1942 большая часть польской армии, а среди них мы с Борисом передислоцировались в Иран, а оттуда, через Ирак и Сирию – в Палестину, в крупнейшую британскую военную базу Сарафанд. Там шло переформирование и тренировка солдат.

– Ну, так что же ты там не перешел к американцам?

– Их там просто не было. С первым американцем я встретился, когда в составе 8-й британской армии оказался на итальянском фронте. Только майор, с которым я говорил, в мои рассказы не очень поверил. Я, кстати, тоже бы не поверил. Майор все записал, сказал, что пошлет запрос. Потом найдет меня.

– Так нашел?

– Мы штурмовали Монте-Кассино. Это было то еще кино. Я получил пулю в голову. Пройшла навывлет и ничего важного не задела. Были бы мозги – убило бы на хрен. Когда глаза открылись – вижу Мазур рядом, вроде пока жив. Я и потащил его в укрытие. Вот тут меня и догнала еще одна пуля, в ногу попала. Очнулся я в госпитале. Там меня и нашел этот майор. Сказал, что все подтвердилось, и, как смогу, чтобы я перебирался в расположение американских войск. Отправят домой. Медики сказали ему, что на этом война для меня закончилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.